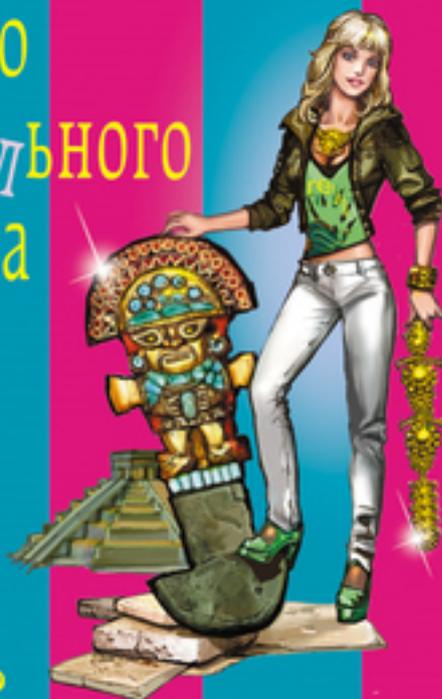

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Дарья Калинина

Золото
1
фамильного
склепа

СЕРИЯ

Сыщицы-любительницы Кира и Леся

Дарья Калинина

Золото фамильного склепа

«ЭКСМО»

2008

Калинина Д. А.

Золото фамильного склепа / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2008 — (Сыщицы-любительницы Кира и Леся)

Кира и ее подруга Леся в своих рискованных расследованиях никогда не руководствовались корыстными целями. И не лезли в чужие дела из чисто женского любопытства. Просто помогали хорошим людям снять с себя подозрение в том, чего они не совершали. В этот раз сыщицы-любительницы спасали свою непутевую приятельницу Лильку от заключения в тюрьму. Девушку обвинили в убийстве жениха и похищении коллекции, имитирующей золото инков. Молодой человек готовил ее для выставки. Так что у преступления имелся и денежный мотив. Как спасти Лильку? Ведь не осталось никаких следов – ни жениха, ни золота. Только невероятная настырность подруг, их женское чутье и догадливость помогли им нащупать именно те ниточки в тугом клубке преступных связей и личных интересов, которые вывели следствие на правильный путь...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дарья Калинина

Золото фамильного склепа

Глава 1

В эти послеполуденные часы двор был пуст и безлюден. Да и кому тут быть-то? В этом дворе что по вечерам, что по выходным, что по будням гуляли только обитатели большого десятиэтажного дома по улице Ленской. Чужие тут не ходили. Потому что через одну-единственную арку, которая вела во двор, проходили только жильцы этого дома и те, кто навещал их по каким-то делам или направлялся в гости.

Дело в том, что у этого стоящего буквой П дома была одна особенность. Своим фасадом он выходил прямо в лес. Вернее, в лесопарк, но такой старый, запущенный и заросший, что иначе как лесом его и не назовешь.

В лесопарке все и было как в настоящем лесу. Засыпанные и утрамбованные дорожки шли только по его центральной части. А дальше начинали путаться и петлять обычные лесные тропинки. Осенью тут росли неприхотливые сыроежки, горькушки и даже симпатичные семейки опят. А летом в лесопарке собирались шумные компании, чтобы попить на природе пива и поесть шашлыков.

Естественно, ни грибники, ни гуляки стоящим напротив лесопарка домом и его двором не интересовались. У них были места поинтереснее. Никак со стоящим на отшибе домом не связанные. Двор в доме, как уже говорилось, не был проходным. В него вели двенадцать подъездов. И был лишь один выход, он же вход, через который жильцы дома и попадали в свои квартиры.

На этом месте дом стоял добрых двадцать лет. Так что двор был уже обустроен и самими жильцами, и силами жилконторы. В центре двора имелась парковка для машин. Чуть дальше в стороне располагалась цветочная клумба и несколько декоративных кустов. Возле них стояли деревянные лавочки с удобно изогнутыми спинками. Так что желающие посидеть в тенишке и подышать свежим воздухом могли расположиться на них. Чуть в стороне была детская площадка, а за ней проезд для машин и помойка.

Надо сказать, эта помойка портила весь вид двора. А летом от нее вдобавок еще и дурно пахло. Несмотря на то что в доме имелся мусоропровод, жильцы время от времени сбрасывали в контейнеры для крупного мусора бытовые отходы в пластиковых пакетах. Трудно сказать, зачем они это делали. Но что делали – это факт.

Впрочем, сейчас во дворе никого не было. Все жильцы дома попрятались от навалившейся на город жары в своих квартирах, которые худо-бедно, но все же защищали их от палящего зноя. Самые богатые ставили у себя в квартирах кондиционеры. А те, кто победней, довольствовались простыми вентиляторами, занавешивали окна темными шторами, циновками или просто обмахивались сложенной веером газеткой и, попивая холодную минералку, ждали вечера, когда наконец спадет жара.

Иван Сергеевич кондиционеры не одобрял. Шумно от них. Снаружи все плавится. А в квартире стоит пронизывающий холод. И окна открыть нельзя. Как же их откроешь, если кондиционер в комнате? Улицу, что ли, охлаждать? Глупо. Глупо и как-то уныло. Словно сидишь не в квартире, а в какой-то наглухо задраенной камере, изолированной от всего мира.

Однако в той квартире, где сейчас проживал Иван Сергеевич, кондиционер был. Сначала старик ворчал, но потом смирился с существованием у него в комнате этой штуковины. Да и куда денешься, если вынужден проводить в обществе кондиционера целые дни? Либо смиришься, либо на стену полезешь. На стену Иван Сергеевич лезть не мог. Поэтому и смирился.

Иван Сергеевич Кожемякин был пенсионером. И не просто пенсионером, а пенсионером со стажем. С опытом жизни на пенсии. И с опытом выживания на ней. Пенсионером он стал давно. Не по возрасту, а по инвалидности. Навалилась гнусная болячка, которая за несколько лет из полного сил мужчины сделала беспомощного калеку. Теперь Иван Сергеевич мог передвигаться почти исключительно на своей инвалидной коляске или на костылях, старательно оберегая больные ноги.

Но ни болезнь, ни ранняя пенсия не лишили его хорошего расположения и бодрости духа. Ну и что с того, что у него отказали ноги? Зато руки действуют и голова работает. Куда хуже, если бы не работала голова. А ноги... Ну, что ноги. Живут люди и совсем без ног. А у него они все-таки имеются, хотя и не совсем такие, какие хотелось бы.

Надо сказать, что этот дом не был для Ивана Сергеевича родным. Он жил тут всего меньше месяца. И двор еще не успел надоест ему. Даже напротив. В этом дворе было много интересного и достойного внимания. Куда больше, чем в собственном дворике Ивана Сергеевича. У себя дома Иван Сергеевич имел куда худшую площадку для наблюдения. Ведь жили они с сыном на первом этаже. А много ли увидишь из окна первого этажа, густо заросшего старой сиренью?

А тут раздолье! С третьего этажа прекрасный обзор! Все как на ладони. А если во дворе случался скандал, так было слышно, о чем скандалят соседи. Так что волей или неволей, но Иван Сергеевич оказался в курсе всех дел и дразг между жильцами этого дома.

Знал, что Витька из пятнадцатой квартиры – тунеядец и иждивенец, вечно ставит купленную на деньги мамочки машину на газон, над которым трясется Марья Ивановна из тридцатой квартиры. Газон и в самом деле был хорош. Семена газонной травы Марья Ивановна купила на свои кровные денежки. Не поскупилась, купила самые лучшие. И трава взошла шелковистая, ровная и гладкая словно ковер. И по этому ковру были рассыпаны мелкие белые и розовые маргаритки. Получалось очень эффектно. Даже Иван Сергеевич, который к цветам был по-мужски равнодушен, одобрил самодеятельность жилички.

Кроме газона, под опекой Марьи Ивановны находилась еще цветочная клумба, куда она высаживала многолетние неприхотливые цветы и яркие летники, выращенные собственными руками из купленных ею по весне семян. Газон и клумба требовали ухода – прополки, поливки и удобрения. Марья Ивановна пол-июня проползала по своему любезному газону на карачках, но противные одуванчики, подорожник и прочие сорняки с него выполола.

И вот на этот великолепный газон мерзавец Витька и ставил свой драндулет. Драндулет тоже был хорош, спору нету. И на газоне в окружении маргариток смотрелся весьма эффектно. Но после машины на нем оставались уродливые колеи примятой травы, пятна бензина и прочей гадости. И это, естественно, становилось причиной ссор между пожилой дамой и молодым лоботрясом.

Вот и сегодня с утра был жуткий скандал. Витька то ли совсем обалдел от жары, то ли нарочно решил довести свою соседку до сердечного приступа, чтобы глаза поменьше мозолила, только он мало того, что поставил свою машину на газон Марьи Ивановны, но еще и начал ее мыть. Сначала намазал какой-то вонючей мыльной гадостью, а потом стал смывать пену из шланга. Прямо на газон!

Когда Марья Ивановна, вернувшаяся из магазина, увидела потоки грязной мыльной воды, которые устремлялись на ее чудные маргаритки, она едва не лишилась сознания. А потом налетела на Витьку с такими криками, что он со страху бросил шланг и убежал к себе домой.

Машину он потом отогнал в мойку, которая находилась по соседству. И весь двор счел, что победа осталась за Марьей Ивановной. Витьке никто не сочувствовал. Лодырь своим хамским поведением и постоянно задраным носом вызывал неприязнь почти у всех жильцов. Чем он так гордился, понять было трудно. Так как в этой жизни сам Витька не сделал еще ничего стоящего.

Впрочем, скандалов Иван Сергеевич не любил. Не тот у него был характер. Иван Сергеевич и до пенсии был человеком веселым, любил пошутить и посмеяться. На пенсии остался таким же. Зачем ему скандалы? Жизнь и без скандалов преподносит достаточно много неприятных сюрпризов.

Так что Иван Сергеевич просто из любопытства наблюдал и присматривался, кто и чем занимается? Не потому, что следил за жильцами дома из каких-то корыстных побуждений. Просто нужно чем-то себя занять в этой совершенно чужой ему квартире.

И снова сердце молодого пенсионера царапнула обида. А все сын – Сашка! Сам с молодой женой укатил в Сочи, а старика сбаврил дальней родственнице – Констанции.

– Поживи у тети Кости, – уговаривал его сын. – Она медсестра со стажем. Присмотрит за тобой, пока нас с Тамаркой нет дома. А если не она, то Павел подсобит.

При упоминании имени племянника Иван Сергеевич начинал сердито сопеть. Все в семье знали, что Павел – паршивая овца в стаде. Наркоман и вор, а когда-то просто избалованный матерью до невозможности мальчишка.

Рос он, правда, без отца, но при заботливой матери, которая полностью выкладывалась, чтобы у сыночка было все самое лучшее, детство у Павла было счастливое. Юность беззаботной. Ни у станка ему в четырнадцать лет стоять не пришлось, как самому Ивану Сергеевичу, ни голода он не знал, ни холода, ни болезней. А вырос тем, кем вырос, – хулиганом и вором!

– Вот уж без кого обойдусь, так это без Павла.

– Батя, не упрямясь! Тетя Констанция сама предложила, чтобы ты к ней переехал!

– Нет!

– Ну, пожалуйста! Мне спокойней будет, если ты не один останешься. Тем более что я уже с ней договорился. И денег заплатил.

– Денег? Заплатил? Это за что же ты ей заплатил?

– Ну да, заплатил. Батя, так полагается! Она же за тобой присматривать будет. А Пашка снова в какую-то историю влез. Констанции сейчас много денег на адвокатов потребуется.

Иван Сергеевич в сердцах сплюнул да и согласился. Черт с ними всеми! Поживет он месяц у двоюродной сестры. Небось не околеет от ее забот.

Правда, все получилось не совсем так, как ожидалось. Едва он переехал к Констанции и обжился у нее, как случилась беда. В следственном изоляторе кто-то пырнул Павла ножом. Не насмерть, и даже ранение было не серьезное, куда-то в руку или в ногу, но обезумевшей матери, естественно, казалось, что дитя при смерти. И Констанция, бросив все, умчалась в Лугу, где ее сынуля в данный момент находился под следствием. А точнее сказать, валялся в больнице с ерундовой царапиной.

Иван Сергеевич уже хотел облегченно перевести дух, но сестрица заявила:

– Но ты, Ваня, один не останешься! Я нашла себе отличную замену.

– Что за замена?

– Игорек.

– Какой еще Игорек?

– Студент. Медик. И наш сосед. Тебе просто необыкновенно повезло. Игорек – очень хороший и способный мальчик. Это я тебе гарантирую!

Вообще, став инвалидом, Иван Сергеевич стал замечать, как меняется к нему отношение людей. Близкие стали не то чтобы относиться к нему свысока. Но все же какие-то покровительственные нотки в их словах проскальзывали. Вот и сын Сашка, да что там... и Констанция все решила за его спиной. А попробовали бы они так себя вести, будь Иван Сергеевич здоров! Да им бы и в голову такое не пришло!

Иван Сергеевич тяжело вздохнул и подкатил свою коляску поближе к окну. Так, что у нас на часах? Ага, уже половина четвертого дня. Еще десять-пятнадцать минут, и из своего подъ-

езда выйдет Галочка из сорок седьмой квартиры. Галочка была совсем молоденькой мамочкой. И со своим первым отпрыском гуляла строго по расписанию.

За ней потянутся остальные мамочки с малышами. Потом наступит черед возвращающихся с работы граждан. Затем выгул собак. Молодежные тусовки будут шуметь во дворе часов до одиннадцати или даже до самого утра, если никто их не шуганет.

Но все они совершенно не интересовали Ивана Сергеевича. Сегодня он ждал появления во дворе Семена Семеновича. Этот внушительного вида мужчина был директором ювелирного магазина. И на работу уезжал к одиннадцати утра. Потом возвращался. И около семи часов вечера снова ехал в магазин, чтобы подсчитать выручку и самолично закрыть сейфы и витрины с драгоценными изделиями.

– Так, так, – пробормотал Иван Сергеевич, когда Семен Семенович в положенное ему время покинул дом, где у него было жилище, соединенное из трех обычных квартир, и где он жил вместе с женой, своей мамой и тремя отпрысками мужского пола – семи, двенадцати и пятнадцати лет.

Сосредоточенное внимание Ивана Сергеевича к директору магазина было далеко не беспочвенным. Еще три дня назад Иван Сергеевич начал подозревать, что за директором следят. Кто следит? Сначала Иван Сергеевич думал, что их двое. Двое довольно молодых еще людей, которые никогда не показывались во дворе их дома вместе, но тем не менее Иван Сергеевич голову бы дал на отсечение, что они связаны друг с другом.

Дело в том, что как только исчезал один, его место сразу же занимал другой. Оба они были выходцами с Кавказа. Один яркий брюнет, другой светловолосый, почти блондин. У брюнета не хватало во рту двух передних зубов. У блондина зубы были в порядке, но на руке, на гладком предплечье, красовалась татуировка в виде дракона. Сначала Иван Сергеевич не мог понять, что нужно этим двум гражданам у них во дворе. Но затем он понял: с того места, которое облюбовали себе эти двое, хорошо видно место, где Семен Семенович вытребовал себе право парковать машину.

Семен Семенович – это вам не бездельник Витька. И право ставить машину под старый клен было дано директору ювелирного магазина всеми жильцами дома. Таким образом, Семен Семенович садился в прохладный салон, а не в раскаленный ад, куда забирались остальные автовладельцы, чьи металлические красавцы стояли на парковке под открытым небом.

Вот и сегодня, едва Семен Семенович сел в свой очень красивый и новый светло-кремовый «Мерседес», как ведущий наблюдение брюнет судорожно дернулся. И схватился за телефон. Иван Сергеевич был уверен: он звонит своему сообщнику – блондину, чтобы тот был готов продолжить слежку уже на улице.

«Обокрасть они его хотят, что ли? – раздумывал Иван Сергеевич. – Квартиру обнести?»

Определенный повод для таких раздумий у него был. Мать, жена и трое мальчишек несколько дней как укатили отдохнуть к морю. Хозяин остался дома один. И когда он уезжал в свой магазин, квартира оставалась бес присмотра.

Впрочем, сегодняшний день принес Ивану Сергеевичу еще одну загадку. Оказалось, что, кроме двух подозрительных типов, за Семеном Семеновичем следили еще две привлекательные молодые и весьма настырные особы!

Они появились во дворе сегодня утром и тоже были совсем разными. Одна рыженькая – худая и стройная, с длинными ногами и руками и симпатичными кудряшками на изящной головке. А другая беленькая – пухленькая и розовощекая, с короткой стрижкой и крепкими ножками.

Кто они такие, Иван Сергеевич решительно не понимал. Потому что на преступниц эти девчонки похожи не были. Ивану Сергеевичу они даже понравились. И ему было неприятно думать про них, что они замышляют что-то худое против директора.

«Кто же они такие? – терзался в догадках Иван Сергеевич. – Чего они хотят от мужика? Ведь по его душу они сюда явились. Зуб даю!»

Вечером явился Игорек. Выглядел он как-то странно. Взволнованным, счастливым и слегка навеселе. Иван Сергеевич принялся, но спиртным от его новоявленной сиделки, похоже, не пахло.

«Обкурился, что ли?» – мелькнула у инвалида нехорошая мысль.

Но Игорек сам объяснил причину своего хорошего настроения.

– Сдал! – заявил он, сияя счастливой улыбкой. – Всю сессию закрыл! На одни пятерки!

– Молодец! – обрадовался Иван Сергеевич.

Игорек, как обычно, принес продукты. И те вещи, которые ему вчера продиктовал Иван Сергеевич. Затем он осведомился, все ли в порядке, покрутился по квартире и направился к дверям. Но неожиданно остановился и произнес:

– Иван Сергеевич...

– Чего тебе?

– А можно я сегодня у вас переночую?

– Зачем это? Я себя чувствую хорошо.

– Да вы-то понятно... Но дело не в вас.

– А в ком?

– Дело во мне.

И, пряча глаза, Игорек принялся излагать свою легенду. У него очень строгие родители. Ну, просто очень строгие. Они разрешают ему только учиться, учиться и еще раз учиться. А Игорьку уже почти двадцать лет. Он хочет любви. И вот он нашел ее, свою любовь. Она тоже студентка. И почти что отвечает Игорю взаимностью. Во всяком случае, она согласилась сегодня на свидание.

– И что? Ты хочешь привести девчонку сюда?

– Что вы! Что вы! – замахал руками Игорь. – Просто мне надо сказать родителям, что я остаюсь с вами.

– Алиби себе обеспечиваешь? – усмехнулся в усы Иван Сергеевич.

Честно говоря, просьба Игоря его не удивила. Он знал, что родители у парня, мягко говоря, с хорошим прибабахом. Это же надо, почти двадцатилетнего парня не отпустить на свидание с девчонкой! Это кого же они надеются из него вырастить? Кисейную барышню?

– Хорошо, парень, – кивнул Иван Сергеевич. – Выручу тебя. Иди гуляй со своей зазновой.

– Спасибо! Спасибо вам! – страшно обрадовался Игорек. – Обещаю, что к полуночи я буду дома!

– Хоть к трем утра! – проворчал Иван Сергеевич. – Я не твой родитель, мне без разницы, сколько ты со своей подружкой проболтаешься. Экзамены сдал? Сдал! Ну и все! Гуляй смело!

Отправив ошарашенного парня, Иван Сергеевич снова подъехал к окну. Для возвращения Семена Семеновича с работы было еще много времени. Но какое-то неясное чувство не давало Ивану Сергеевичу покоя. Он рассеянно наблюдал, как гордая своей утренней победой Марья Ивановна поливает свой драгоценный газон. Убедился, что все соседские детишки в полном составе играют на площадке. Не было только Ванечки из второго подъезда. Еще со вчерашнего дня у него начались непонятные сопли, покраснели глазки и он все время чихал. Похоже, у мальчугана сильная аллергия на что-то цветущее.

– Эх, – вздохнул Иван Сергеевич. – В мое-то время про аллергии и слыхом не слыхивали.

И в памяти встал деревенский дом, где прошло детство. Корова в хлеву, которая кормила всю семью молоком. Отец, работавший в родном колхозе комбайнером, приходил в страду после работы, едва передвигая ноги. Мать, которая крутилась как заведенная между свинофермой, хозяйством и тремя детьми. Отец и мать не могли уделять своим детям много времени.

По врачам их вовсе не водили. Не было в их родном селе поликлиники. Был медпункт, где сидел фельдшер, от всех болячек прописывающий детям одно лекарство – рыбий жир.

И ничего, все были здоровы. Жили на природе. Вокруг все цело и пахло. Но про аллергию никто и слыхом не слыхивал.

– Все город виноват, – пробормотал Иван Сергеевич. – Тут и газы всякие, и канцерогены, чтобы им пропасть и вовсе не вылазить, и смог разный, и...

Перечень бед, которым грозила жизнь в крупном мегаполисе простым жителям, был прерван внезапным появлением во дворе Семена Семеновича. Неурочным, надо сказать, появлением. Потому что обычно директор возвращался не раньше десяти-одиннадцати вечера. А тут еще и девяти нету, а он уже дома. Да и приехал сосед не на своем «Мерседесе», а на такси.

«Случилось чего?» – подумал Иван Сергеевич.

Оказалось, что случилось. Семен Семенович приехал не один. А в обществе той самой рыженькой особы, которую сегодня Иван Сергеевич видел у них во дворе. Блондинки с ними в такси не было. Но Иван Сергеевич отчего-то не сомневался, что она где-то рядом.

– На пару они действуют! – убежденно произнес он. – Не иначе.

Тем временем Семен Семенович всю крутился возле своей рыжеволосой спутницы, явно убеждая ее зайти к нему в гости.

– Вот дела! – ахнул глубоко порядочный Иван Сергеевич. – Жена с детьми из дома, а он уже девицу привел! И куда? Домой! Вот дурак!

Сам Иван Сергеевич хотя и прожил со своей женой тридцать пять счастливых лет, никогда таких глупостей себе не позволял. Наверное, поэтому и просуществовал их брак так долго, до самой смерти Верочки. И умерла она, твердо уверенная, что муж ее любит и всю жизнь любил.

В принципе, так оно и было. Свою жену Иван Сергеевич очень любил и уважал безмерно. Но при этом случались и у него другие женщины. А как же? Он ведь все-таки мужчина. А когда жена уезжала летом на месяц, а то и на два с сыном в деревню к родителям, как ему было одному перекапаться это время? Вот и появлялись в жизни Ивана Сергеевича женщины.

Рыженькая наконец перестала ломаться. И, к явному удовольствию Семена Семеновича, прошла с ним в подъезд. Иван Сергеевич только вздохнул и покачал головой. Ну, держись теперь, браток! Приедет твоя жена, и соседка Анна Степановна все ей тут же доложит. Они ведь подружки. Пропал мужик! Ни за грош пропал!

Иван Сергеевич остался у окна, карауля возвращение рыженькой. Откровенно говоря, он надеялся, что она в квартире у директора не задержится. Так оно и случилось. Не прошло и десяти минут, как рыженькая вылетела из подъезда во двор. Вид у нее при этом был какой-то чудной – радостный и негодующий одновременно. Словно она получила подтверждение своей догадке, но догадке крайне досадной.

Рыженькая промчалась через двор словно метеор и скрылась за домом. Иван Сергеевич догадывался, что там ее ждет пухленькая блондиночка. И потом они вместе станут обсуждать поведение Семена Семеновича. А в том, что тот повел себя не так, как подобает галантному мужчине, Иван Сергеевич не сомневался.

«Не получилось у нашего директора ничего, – похихикал в душе над недотепой Иван Сергеевич. – К таким девушкам подход нужен. Эх, будь я на ногах! Да лет на тридцать помоложе! Уж я бы маху не дал! У меня подход к дамам всегда имелся!»

И старик снова захихикал. Он прождал появления Семена Семеновича, но так и не дождался. Обломанный Семен Семенович предпочел остаться у себя дома. И носа на улицу больше не показал.

Прошла ночь. А на следующий день по дому разнесся ужасный слух – квартира Семена Семеновича стоит открытая и пустая. Судя по всему, там произошла кража. Обокрала Семена Семеновича одна девица, то ли его любовница, то ли случайная воровка. Но не это самое

страшное. А страшное то, что сам хозяин квартиры куда-то исчез. Испарился. И нигде не было его следов.

Глава 2

Кира и Леся сидели дома у Лильки и уговаривали ту не реветь. Сидели уже второй час. И по правде сказать, не слишком преуспели. Лилька заливалась слезами – крупными и солеными, словно фисташки. Сходство с орешками усугублялось еще и тем, что зеленые Лилькины тени и подводка поплыли. И окрасили текущие из ее глаз ручьи в нежно-зеленый цвет.

– Ой, какой же он га-а-а-д! – рыдала Лилька, раскачиваясь в трансе, словно старый мусульманин на молитве. – А я ведь так на него надеяла-а-а-ась!

– Ничего, найдешь другого.

– Другой – это другой. А я на этого нацелилась!

– Уймись, дуреха, найдешь другого мужика. Порядочного.

– Как же! Найдешь такого!

– Найдешь! – кивнула Кира. – Обязательно найдешь.

– Нет! Не с моим счастьем!

– При чем тут счастье или несчастье? Это все глупости!

– Нет! Во всем виновато мое имя!

Кира с Лесей растерянно переглянулись. Честно говоря, они тоже считали, что со стороны родителей Лильки по меньшей мере неразумно было давать девочке имя Далила. Ведь всем мало-мальски образованным людям известно, что эта особа, вкравшись в доверие к своему любовнику, обманула его и остригла волосы своего Самсона, лишив того сказочной силы. А потом сдала обессилевшего и обезоруженного мужчину в руки его врагов.

Одним словом, Далила – это плохая женщина, предательница и коварная лицемерка. Эту историю знали все. Кто лучше, кто хуже, кто с подробностями, кто без оных. Но если у Далилы и появлялся поклонник, который знать не знал ни про Далилу, ни про Самсона, то обязательно в его окружении находился доброхот, кто посвящал парня в эту библейскую историю. И в результате современная Далила отдувалась за грехи той, прежней, и еще не факт, что вообще когда-то существовавшей Далилы.

– А ты его смени, – посоветовала Кира подруге. – Имя свое смени. Стань там просто Наташей или Катей. Чем плохо?

– Не плохо, – хлюпнула носом Лилька. – Только ведь это хлопотно.

– Ну и что? Если ты уверена, что все твои несчастья от имени, смени его, к чертям собачьим!

Несчастливая Далила снова хлюпнула носом и покосилась на подруг. Сменить имя? В том-то и дело, что она не была до конца уверена в том, что виновато именно ее имя. А вдруг дело не в имени, а в ней самой? Вот в чем ужас-то! От имени, хлопотно это или не хлопотно, но все же можно избавиться. А от себя самой – это уж фигушки!

– Не хочу терять последнюю надежду, – пробормотала Лилька. – Вдруг я сменю имя, а станет только хуже?

– Сменишь еще раз! – пожала плечами Кира.

Это предложение возмутило Лильку до глубины души:

– Легко тебе говорить! Сменишь еще раз! А если снова не поможет? Так и менять, пока все святцы не переберу?

Однако, разозлившись, Лиля перестала плакать. И теперь могла поговорить спокойно.

– А ведь у меня были такие надежды на этого пузана! – с тяжелым вздохом произнесла она. – Вы бы почитали его анкету! И не женат! И детей не имеет! И живет один! И вообще всем на свете обеспечен, за исключением женской любви, ласки и понимания. Вот я и клюнула! Ну и что, думаю, что собой не красавец? Зато все остальное при нем!

И Лилька, сокрушенно подперев щеку кулаком, принялась в который раз излагать подругам свою печальную историю.

Пойти в агентство брачных знакомств ее вынудила горькая нужда. Последний из кавалеров ровно неделю назад объявил Лиле, что не будет больше с ней встречаться по причине своей свадьбы с другой девушкой.

– Лично я против тебя ничего не имею, – заявил этот тип опешившей Лильке. – Мог бы и дальше продолжать с тобой встречаться. Но ты пойми, как-то некрасиво сразу же после свадьбы бежать к любовнице. Вот через месяц... Через месяц, думаю, будет уже ничего. Так что я к тебе загляну.

Разумеется, Лилька от такого лестного предложения категорически отказалась. Спустила наглеца с лестницы. А потом всю ночь прорыдала, пытаясь понять, что с ней не так. Нет, не было ей жалко потерянного любовника. Нужен он ей, такой подлый! Чтобы через месяц тоже стал бы ей изменять?!

Но все-таки, почему он решил жениться не на Лильке, а на какой-то другой бабе?

Лилька ломала голову, но так и не смогла понять, в чем тут фокус. Она была девушкой довольно симпатичной, обеспеченной и свободной. Ни в чем себе не отказывала и поддерживала свою внешность регулярными визитами к парикмахеру, стоматологу, косметологу и массажистке. Занимала пост главного менеджера в фирме, торгующей новыми иномарками. И жила совершенно одна в уютной двухкомнатной квартирке на тихой улице возле станции метро «Удельная».

Прекрасное место. Лильке оно очень нравилось. С одной стороны – в пяти минутах старинный парк. А с другой – станция метро и всевозможные торговые комплексы, рынок и прочие радости цивилизации.

При этом непомерных целей в плане замужества Лилька перед собой не ставила. Ее бы устроил даже не богач, который мог бы содержать ее, но и просто мужчина, зарабатывающий самому себе на жизнь. Лилька вовсе не рвалась бросить работу, осесть дома на шее у мужа и превратиться в домашнюю курицу.

Ее теперешняя жизнь вполне ее устраивала. За одним исключением: Лильке надоело быть одной. Надоело придумывать, чем бы занять себя в выходные и во время отпуска. Надоело подыскивать компаньонку для поездки на юг, похода в театр или кино или просто на каток.

– Вот если бы у меня был муж, все бы эти проблемы мигом отпали. Никого искать не нужно. Муж всегда под рукой. Бери его и веди куда хочешь.

Тот факт, что большинство мужей совсем не рвутся в свой выходной день с супругой ни в музей, ни тем более на каток, а стремятся к родному дивану и телевизору, возле которых должна стоять тарелка с большими котлетами и бутылка с темным или светлым пивом, Лилька не учитывала. Такой уж она была человек, не представляла себе, как вдруг получится не по ее задумке. А поскольку характер у нее был решительный, прямо как у ее библейского прототипа, и на своем Лилька умела настоять, то нетрудно предположить, почему мужчины избегали вступать с Далилой в законный брак.

При этом Лилька собственные ошибки признавать не собиралась. И даже вовсе не брала в голову, что тоже может быть в чем-то не права. Вместо этого она уверяла, что ей попадаются одни лишь подлецы и паршивцы.

– Пошла я в это агентство, – рассказывала она подругам, – думала, хоть они проверяют женихов на вшивость. Оказалось, нет! Ничего они там не проверяют! Какие паршивцы кругом шляются, таких они бедным женщинам и подсовывают. Да еще деньги за это берут!

– Зачем же пошла?

– Говорю же, не знала!

Впрочем, излишней доверчивостью Лилька не страдала. И, выбрав из немногочисленных подходящих претендентов одного самого подходящего, она решила навести о нем справки.

Правда ли то, что он живет один, в отдельной квартире, материально обеспечен и независим. Позвонив жениху по номеру телефона, который ей дали в агентстве, Лилька с замиранием сердца назначила ему свидание.

С еще большим страхом она шла на него. А вдруг жених предпочтет, чтобы она была не рослой брюнеткой, а худенькой блондинкой? Но все прошло прекрасно. Жених при виде Лильки совершенно остолбенел. И прямо ей так и заявил, что она для него является идеалом женской красоты.

Лилька расцвела, но бдительности не потеряла. Дальнейшая проверка показала, что все рассказанное женихом про себя – правда. Все, как написано в анкете. Проследив за женихом, Лилька выяснила, где он живет. А потом и вовсе осмелела и поднялась на его этаж. Там она долго стояла под дверью его квартиры, прислушиваясь, не донесется ли оттуда женский голос.

Не донесся. Итак, Лилька могла себя поздравить. Квартира, отсутствие жены и других родственников и прочное материальное положение – все у ее жениха было в наличии.

Правда, в гости к себе он Лильку пока что не звал. Наверное, проверяет свои чувства. Проверка длилась почти неделю. Они встречались по вечерам, шли в ресторан или в кафе. И Юра рассказывал о себе. О своем одиночестве. Об исстрадавшейся душе. И о том, как им будет чудесно вместе, когда Лилька наконец-то его полюбит.

– А потом он позвал меня в гости.

Опытная Лилька мигом смекнула, ЧТО стоит за этим приглашением. Но, будучи девушкой серьезной, она так же серьезно подошла к этому приглашению. А вдруг жених не питает на ее счет самых серьезных намерений? Вдруг просто хочет ею воспользоваться? Развлечься? Потешится да и бросит? Нет, этого нельзя допустить. И она позвала на помощь двух своих подруг. Лесю и Киру.

– Вы должны мне помочь! – решительно заявила она им. – От вас зависит счастье всей моей жизни! Поможете?

– Как?

– Вы должны убедиться, что мой жених – порядочный человек.

– Это как же?

– Очень просто, – пожала плечами Лилька. – Одна из вас предложит ему себя.

– Как это – предложит? – опешили подруги.

– Очень просто. Как женщина.

– Ты хочешь сказать, предложит заняться с ней сексом?

– Вот именно.

– И если?..

– И если он согласится... Значит, он просто мерзавец!

Леся с Кирой с сомнением переглянулись. Честно говоря, опасная проверочка. Какой мужчина откажется от того, что добровольно идет ему в руки? Да никакой!

– У вас с этим Юрой еще и отношений серьезных не было, – пробовала вразумить подругу Леся. – Даже если он и не откажется, это еще ничего не значит.

– Для тебя не значит, а для меня значит! Он должен желать только меня! А если, ухаживая за мной, он клюет и на других женщин, то мне такой ловелас не нужен!

– Очень уж ты строга, – покачала головой Леся.

– Я такая, какая есть! И меняться не собираюсь! А вообще-то мой Юра, – гордо оглаживая свои крутые бока, сказала Лилька, – любит девушек попышнее телом.

Но Юра запал на Киру, едва она успела подойти к нему и под каким-то надуманным предлогом познакомиться. Дальше все пошло еще быстрее. Короткие посиделки в ресторане русской кухни со смешным названием «Кудрявая береза», где Кира всячески демонстрировала свое желание побыть наедине с кавалером.

Тот не стал долго противиться. Оставил свой «Мерседес» на парковке у ресторана, вызвал такси и на нем повез Киру к себе домой. А там буквально у дверей набросился на нее с поцелуями.

Юра вцепился в нее с таким пылом, что Кире стоило большого труда отодрать его от себя. Хорошо еще, что она знала кое-какие приемы самообороны, которые и применила на практике.

Избавившись таким образом от кавалера, она вылетела из квартиры и, не помня себя, скатилась вниз по лестнице. А затем, утирая лицо и горящие губы, бросилась прочь.

– Скорей, скорей в душ! Смыть, смыть с себя его слюни!

Основательно помывшись в душе, Кира наконец почувствовала, что вкус соленых, после съеденной в ресторане семги, поцелуев слегка отступает, и вышла в комнату. Лилька уже ждала ее, сидя на кухне в обществе Леси.

– Я все знаю! – закричала Лилька при виде Киры и залилась слезами.

С того момента прошло уже почти три часа. А Лилька все еще продолжала ругать провинившегося Юру всякими словами. Честила на все корки. И, уходя, заявила:

– Таким подлецам не место в моей жизни! Им вообще не место в этой жизни!

Тогда подружки не придали ее словам никакого значения. Мало ли, что там может сказать в сердцах оскорбленная девушка! Но им пришлось пожалеть о своем легкомыслии, когда на следующий день им позвонила Лилькина мать и, обливаясь слезами, принялась выкладывать ужасные новости. Бедная женщина так громко рыдала, что из тех обрывков фраз, которые доносились до Леси и Киры из телефонной трубки, они поняли одно: беда произошла именно с Лилькой. Но вот что, как и почему, понять девушкам никак не удавалось.

– Тетя Света, – пыталась перекричать Лилькину мать Кира, – вы не плачьте так! Вы нам объясните, пожалуйста, что же произошло?

– Ой, горе-то какое! Ох, доченька моя родненькая! Да что же это такое на белом свете делается?

– Тетя Света...

– Ведь она никогда и никого... Чудесная девочка. Как у этих иродов только язык повернулся подобное на Лильку сказать!

– Тетя Света, я не понимаю.

– Ох, отец пришел! – вдруг охнула Лилькина мать. – С ним поговори. Он тебе все объяснит. А у меня что-то сердце схватило.

И пока Лилькина мать пила на кухне корвалол, валерьянку и капли пустырника в виде коктейля, отец Лильки – отставник и бывший полковник по-военному четко доложил Кире:

– А чего тут не понимать? Сегодня утром пришли и арестовали Лильку!

– Кто? Кто пришел?

– Известно кто. Милиция.

– За что?

– За убийство.

– За... за какое убийство? – проблеяла Кира.

– Сказали, что она убила своего любовника. Из ревности. Точнее, он ее обманул. Сказал, что не женат. А сам... того...

Известие было из ряда вон выходящим. И Кира просто не поверила.

– Дядя Коля! Какой еще любовник? Не верьте вы им! У Лильки в последнее время и не было никого.

– Так уж и не было.

– Не было! Она даже специально в брачное агентство ходила, чтобы там ей какого-нибудь кандидата в мужа подобрали.

– Ну вот! Этого кандидата она якобы и прикончила!

У Киры даже дыхание перехватило от полученного известия. Это что же выходит? Лилька прикончила Юру? Того самого вчерашнего Юру? Большого, толстого развратника Юру?! И за что прикончила? За то, что он ее разочаровал, посмеив приставать к Кире?

От этих мыслей у подруг голова пошла кругом. Они уже решительно ничего не понимали. И им оставалось только слушать, что расскажет отец Лильки.

– То есть я лично не верю, что у Лильки хватило бы духу мужика завалить, – продолжал тем временем Лилькин отец. – Но следовательно думает именно так. Дурак!

– Дурак, – машинально поддакнула ему Кира.

– Кто дурак?

– Следовательно этот дурак.

– Это точно! – согласился Лилькин отец. – А знаешь почему?

– Почему?

– Дурак он потому, что труп у него на руках никакого нет.

– Как нет?

– Так, нет. И ничего он Лильке, кроме голословных обвинений, предъявить не может.

– Погодите, – окончательно растерялась Кира. – А куда же делся труп?

– В том-то и загадка. Исчез.

– Куда исчез?

– Следовательно подозревает, что труп из квартиры вывезла Лилька. Вывезла и спрятала в надежном месте. Похоронила, одним словом.

У Киры потемнело в глазах. Кого похоронила? Юру? Большого, толстого и явно очень тяжелого Юру? Сама, в одиночку, перетащила его сначала из квартиры в свою машину, там упаковала в багажник или на заднее сиденье, а потом самостоятельно скинула его в выкопанную ею же могилу? ...В мыслях у Киры такая героическая экспедиция Лильки никак не укладывалась.

Да, Лилька была девушкой крупной, в теле, но отнюдь не богатыршей. Спортом она почти не занималась. И физическая подготовка у нее оставляла желать лучшего. И чтобы Лилька с ее наманикюрными и наращенными в салоне ногтями и ухоженными руками стала самостоятельно проворачивать такое грязное дело?

– Ни за что на свете не поверю в подобную ерунду! – твердо заявила Кира. – Чушь это все!

– Спасибо тебе, дочка, – расчувствовался в ответ Лилькин отец. – Сам знаю, что Лилька тут ни при чем. Знаю, а все равно тревожно на душе. Ведь у этих парней, что ее дело ведут, никаких понятий о воинской дисциплине нет и в помине. Что хотят, то и воруют. Беспредел у них в отделении полнейший! Устав соблюдается кое-как. Форму не носят. Бумаги заполняют из рук вон плохо! Все переврали, переиначили, имя Лилькино и то перепутали.

– Так, может быть, это и не она вовсе?

– Как не она?

– Ну, раз имя в бумагах другое. Может быть, это и не она вовсе?

– Да она, она. Арестовали-то они именно Лильку. А имя... Что имя, имя и переписать недолго. С них станется и не такое натворить.

Из дальнейшего разговора с отцом Лильки выяснилось следующее. Сама Лилька описывала свои приключения так. После вчерашнего разговора с Кирой оскорбленная Лилька отправилась вовсе не домой, как предполагали ее подруги, а напрямик к дому своего несостоявшегося жениха Юры.

Войдя в подъезд, она поднялась на нужный этаж и позвонила в нужную квартиру. Ей никто не ответил, но это Лилькин пыл ничуть не охладил. Она принялась стучать и колотить в дверь жениха руками и даже ногами. И всего через полминуты убедилась, что дверь открыта. Ни один из внутренних замков не был заперт. И стоило нажать на ручку двери, как сама дверь тут же открылась.

Вот в этот момент Лильке бы насторожиться да повернуть оглобли вспять! Или, на худой конец, позвать бы на подмогу проходящих мимо соседей. Но ничего такого Лилька не сделала. От соседей она отвернулась, даже не ответив на их приветствие. И зашла в квартиру жениха в гордом одиночестве.

В квартире было пусто. Юрой тут и не пахло. Зато пахло кое-чем другим. Какой-то сладковатый запах витал в квартире. Чтобы избавиться от него, Лилька открыла окна. Запах стал слабее, но все равно сохранялся. Несмотря на это, сама Лилька все равно осталась в этой квартире, твердо решив, дожидаться возвращения своего жениха.

Ждала она долго. Почти до шести утра. Потом ей эта история надоела. Да и гнев после ночевки в неудобном кресле несколько поукас. И она решила, что вернется в эту квартиру позднее. А сейчас поедет к себе домой, перекусит, отдохнет и успокоится окончательно.

Чтобы принять это решение, ей понадобился почти час.

Выходя из квартиры Юры, злополучная Лилька снова столкнулась с теми самыми жильцами, которые внимательно оглядели ее. Это были две весьма пожилые старушки. И Лилька, заметив скрытое недоброежелательство в их глазах, вспыхнула, словно порох.

– Что? – не сдержавшись, крикнула она. – Что вы на меня тарашитесь? Думаете, что я девочка легкого поведения? Так?

Возможно, старушки и не собирались ничего говорить Лильке. Но коли она начала первой, то и они в долгу не остались:

– Да уж серьезные девушки к женатым мужчинам по ночам в гости не шастают! – ядовито заявила первая бабулька.

– Да еще когда законная жена с детьми в отъезде! – добавила вторая.

У Лильки от изумления отвисла челюсть.

– Кто это?.. Кто это женат и с детьми? – прошептала она.

– Известное дело, кто! Семен Семенович и женат.

– И бог ему троих деток послал.

– Ему и его жене!

– Живой, здоровой, только временно отсутствующей!

У Лильки отлегло от сердца. Старые дуры! При чем тут какой-то Семен Семенович, если она приходила к Юре! Совсем выжили из ума, маразматички!

– Все на свете перепутали.

– И ничего мы не перепутали! – сердито воскликнула первая старушка.

– Не перепутали! – подтвердила вторая. – Вы, голубушка, были сейчас в квартире Семена Семеновича. Нашего уважаемого соседа.

Лилька не сдержалась и завопила в голос:

– Это квартира Юры! Моего жениха Юры! И он холост! Без всяких детей!

Но старушки держались твердо.

– Тут на этаже никакого Юры нет и в помине! – заявила одна из них.

– И никогда не было, – поддержала ее вторая.

И в глазах старушек блеснул нехороший огонек подозрительности, который Лилька не заметила. А если бы и заметила, то все равно не придавала бы ему особого значения, так как была не в том состоянии, чтобы сосредотачиваться на мелочах.

– Я приходила к своему жениху! – с чувством собственного достоинства, выпрямляясь во весь свой рост, заявила она.

Старушки переглянулись.

– К жениху-у-у?! Откуда же тут взялся жених для тебя? Никого тут подходящего нету. В этой квартире живет Семен Семенович – директор ювелирного магазина. С ним живет его уважаемая мама. Его жена. И трое его деток.

Вот тут Лильке стало по-настоящему нехорошо. Директор магазина! Ну да! Ее Юра как раз и занимал такую должность. Он ей сам об этом говорил. И магазин показывал. Правда, снаружи, но показывал. Но при чем тут жена и трое детей? Откуда они-то взялись? Про них разговору никогда не было.

– А они уехали.

– На юг.

– Отдыхать.

– К морю.

До Лильки постепенно доходила страшная правда. Ее Юра – это на самом деле никакой не Юра, а Семен Семенович, семьянин и отец трех отпрысков. То-то пока она сидела в засаде в квартире у Юры, то видела множество детских игрушек. И даже целую комнату с тремя детскими кроватками, забитую под завязку игрушечными тиграми, ружьями, машинами и прочим мальчишечьим барахлом. По шкафам и ящикам Лилька, будучи в душе весьма щепетильной, лазить не стала. Но чтобы не увидеть детскую комнату, для этого нужно было быть совсем слепой.

Итак, все сходилось! Старушки правы. А она, Лилька, дура! Так обмануться!

– Ах он подлец! – сжимая кулаки, взревела Лилька. – Подонок! Убить его мало!

Старушки испуганно от нее шарахнулись в разные стороны. Но Лильке было решительно плевать, какое впечатление она производит. Рушилась вся ее жизненная концепция, которая заключалась в том, что обмануть Лильку не может ни один мужчина. Она всегда четко знала, что и от кого ждать. А тут такое! Мало того что этот гад, Семен Семенович, осмелился приставать к ее подруге. Это-то ладно! Она сама подстроила ловушку.

Но оказалось, что Семен Семенович и сам плел сети, в которые Лилька доверчиво заплыла. Холост он! Как же! А трех детишек не хотите ли, дорогая невестушка? И в каком положении оказалась бы Лилька, не проведи она собственную проверку? Стала бы встречаться с женатым мужчиной, привязалась бы к нему, влюбилась, строила бы планы, а потом из отпуска вернулась бы его семья, и любовник сделал бы ей ручкой.

– Негодяй! – уже почти рычала Лилька. – Скотина! Подонок! Я его убью! Убью, вы слышите?!

И с этим криком ничего не видящая больше вокруг себя Лилька скатилась вниз по лестнице. Вернуться и разгромить квартиру обманщика? Нет, так не годится. Ведь это не только его квартира, но и жены, и матери, и детей, которые перед Лилькой ни в чем не виноваты. А если уж рассудить, то это она перед ними виновата.

Такие мысли крутились в голове у Лильки, пока она еще минут пять кружила по двору, не зная, что ей предпринять. Но затем она внезапно остановилась. Прямо перед ее носом сверкал лакированный бок светло-сливочного «Мерседеса». Эту машину Лилька знала преотлично. Это была машина Юры, который оказался Сеней. Но не важно, как звали обманщика. Это его машина! И она стояла во дворе у подъезда.

Вчера, когда Лилька входила в дом, машины во дворе не было. Это она сейчас точно вспомнила. Вчера, проходя мимо пустующего места под старым кленом, она еще подумала, что ей придется подождать Юру.

А сейчас Лильку словно окатило ледяной водой. Вся ярость испарилась. И Лилька молча уставилась на стоящую перед ней машину. Может быть, оптический обман зрения? Лилька протянула руку и потрогала прохладный бок машины. Нет, никакого обмана зрения. Машина стоит, а вот ее хозяина нет.

– И что же это получается? – пробормотала Лилька. – Юра... то есть Сеня, приезжал ночью, но наверх к себе не поднялся? Или все же поднялся, заметил меня в квартире и смылся, опасаясь скандала? Нет, чушь какая-то! Откуда он мог знать, что я приехала на разборки?

И потом, я ведь глаз не сомкнула, дожидаясь, когда он явится. Я бы услышала, если бы он приходил!

Некоторое время Лилька еще таращилась на машину. А потом помчалась обратно. Наверх. К квартире Семена Семеновича. Ее преследовала мысль, что неверный жених каким-то образом просочился мимо нее и сейчас заперся у себя в гнездышке. Нет, в квартире у Семена Семеновича было пусто и тихо. Лилька обежала ее всю и убедилась, что хозяин домой не возвращался.

– Так куда же он делся, если его машина стоит у подъезда? Пошел ночевать к кому-то из соседей?

Это было глупо. Так ничего и не поняв, Лилька повернулась назад и поплелась к дверям. Но там ее уже поджидал неприятный сюрприз в лице двух крепких молодых людей в милицмейской форме, которые стояли в дверях и вопросительно смотрели на Лильку.

– Ваши документы? – наконец произнес один из них.

А второй добавил:

– И сразу же объясните, по какому праву вы находитесь в этой квартире?

Разумеется, Лилька предъявила свои документы. Но ее рассказ о том, что она приехала в гости к своему жениху, вызвал лишь скептические улыбки на лицах милиционеров.

– Нам точно известно, что в этой квартире проживает уважаемый человек, счастливый супруг и отец троих детей. Никаких холостых мужчин в этой квартире не проживало уже много лет.

Старухи растрепали! И ментов они вызвали! Эта мысль промелькнула в голове у Лильки. И, выходя из квартиры в сопровождении двух милиционеров, она убедилась, что была права. Ехидные бабульки высунулись из своей квартиры и провожали ее торжествующими взглядами. Еще бы! Они проявили бдительность! Задержали мошенницу, воровку или даже еще чего похуже. И теперь их так и распирало от гордости и желания поскорей поделиться ошеломительной новостью с остальными обитателями дома.

Глава 3

О том, что ей собираются предъявить обвинение в убийстве злополучного Семена Семеновича, перепуганная Лилька узнала уже в отделении. Оказалось, что в квартире пропавшего директора магазина обнаружены следы крови, которые Лилька вчера в темноте и не заметила. А не заметив, дотронулась до влажных пятен, испачкав в крови одежду и руки.

Такие же следы крови были обнаружены в машине Семена Семеновича, которая стояла у него под окнами без всякой сигнализации и не запертая. В машине тоже было достаточно Лилькиных отпечатков. Да и как им там не быть, если Лилька каждый вечер встречалась с Семеном Семеновичем (он же холостой жених Юра) и каталась с ним по городу на его «Мерседесе».

Откуда взялась у дома пропавшего директора магазина его машина, у следователя было самое четкое представление. Лилька ночью вывезла труп умерщвленного ею жениха, а потом вернула машину и сама вернулась в квартиру любовника.

– Зачем? – только и смогла вымолвить Лилька. – Зачем мне было туда возвращаться?

– Преступников всегда тянет на место преступления, – невозмутимо ответил следователь. – И кроме того... в квартире было чем поживиться.

Одним словом, следователь принял Лильку за убийцу, мародерку и крайне асоциальную личность. Одного Лилька не могла взять в толк, почему следствие так резко, с места и в карьер, приняло версию о смерти Семена Семеновича?

– Разве он не мог просто куда-то уехать? – задала она следователю вопрос.

– Вам лучше знать!

– Я не знаю, я всего лишь предполагаю, что он мог уехать к жене и детям, на дачу, к друзьям. Да мало ли куда еще! Сейчас же лето!

Но Лилька и сама понимала, что ее предположения звучат как-то глупо. Куда бы отправился этот Семен Семенович без вещей, машины и водительских прав? А права обнаружились в бардачке самой машины. Что вызвало новый прилив энтузиазма у Лилькиного следователя. Он явно нацелился раскрутить это дело, как говорится, по горячим следам. Тем более что и подозреваемая у него уже имелась.

Дело было за малым – найти труп пропавшего директора магазина и... И дело можно было считать раскрытым.

– Убийство из ревности! – потирая руки и поглядывая на Лильку, бормотал следователь. – Широко распространенное явление.

– Я не убивала!

– Все так говорят, красавица.

– Но я правда не убивала!

– И это я уже слышал. Как говорил Станиславский: «Не верю!»

Лилька заходила от бессильной злости и скрежетала зубами. А следователь улыбался, очень довольный ходом дела. Он явно уже предвкушал грядущие лавры за раскрытие преступления.

Следователь Горшков становился героем. Его начальство в лице полковника Измаилова воспыало рвением сделать их отделение примерно-показательным. Это намерение было тоже не бескорыстным, а являлось следствием проводимого по городу соревнования между районными отделениями.

Победитель получал денежный приз, всеобщее признание и две недели внеочередного оплачиваемого отпуска для сотрудников. В разгар лета все сотрудники, и Горшков в том числе, рвались в лидеры из последних сил. И вот теперь у Горшкова все должно получиться! Он вычислил убийцу!

В эту версию Горшков поверил и сам. Да так основательно, что отпускать Лильку не собирался, несмотря на появление в отделении ее отца, вызванного им адвоката и двух друзей подозреваемой, которые клялись и божились, что Лилька никогда бы не стала убивать Семена Семеновича, поскольку его вина перед ней была не так уж велика.

– Они еще не успели стать любовниками! – твердила одна из девиц – высокая и рыжая. – Понимаете? Лильке не за что было ненавидеть Семена Семеновича.

– Моя дочь всегда имела твердые моральные принципы! Я сам их ей внушал! С детства!

– Лилька не стала бы никого убивать, – печалилась вторая подружка – пухленькая и беленькая.

– Вы прекрасно понимаете, что вам нечего предъявить моей клиентке, – талдычил адвокат. – Незаконное проникновение в чужую квартиру – это не повод для задержания. Ведь никакого взлома не было. Дверь квартиры была открыта. Любой мог зайти, чтобы проверить, все ли там в порядке.

Вся эта компания ужасно надоела Горшкову. А между тем время шло. Труп пропавшего директора не находился, несмотря на то что люди Горшкова с собаками прочесали весь лесопарк от его северной границы до южной и обратно. Вскоре нужно было предъявлять задержанной обвинение или отпускать ее домой.

– А как его предъявишь, – бормотал Горшков, отлучаясь покурить из своего кабинета в курилку, – если трупа нету и в помине?

Как говорится, нету тела – нету дела. Эту простую рифму Горшков выучил чуть ли не с пеленок. И отлично понимал, что вскоре ему придется расстаться с подозреваемой, а вместе с ней расстаться и с мечтой о внеочередном отпуске. Думать так было горько. Невыносимо горько. Но Горшков по жизни был оптимистом. И не терял веры в то, что все еще может образоваться.

– Пусть у нас пока что трупа и нет, но где-то он есть. Это факт. И значит, рано или поздно его могут найти. А поэтому девчонку хоть и отпускаем, но глаз с нее не сводим. И продолжаем искать в ее направлении. Опросим соседей, поговорим с другими жильцами дома. Может быть, кто-то что-то и видел. Просто надо этого человека найти и допросить.

Таким образом, к утру следующего дня Лилька была отпущена на свободу. Ее встречал отец, адвокат и Кира с Лесей, которые чувствовали себя причастными к ее беде и ни за что не хотели оставить Лильку наедине с ее проблемами. И хотя все они торжествовали, что подруга оказалась на свободе, но в душе всех точил один и тот же червячок.

И Лилька первой озвучила эту мысль:

– Они меня отпустили, но зуб даю, они с меня не слезут. Будут искать Сеню. И как только найдут труп или свидетелей, которые подтвердят, что этот труп был, меня снова сцапают. И вряд ли я отделаюсь всего сутками задержания.

Лилька была права. И все снова приуныли. А потом Леся сказала:

– Что же, в таком случае нам тоже надо искать.

– Кого искать?

– Ну, этого Семена – пропавшего директора магазина.

– А где его искать?

– Не знаю.

– Вот именно, – тяжело вздохнула Лилька. – И никто не знает!

Но Леся не унималась.

– Это пока мы не знаем, где искать твоего бывшего жениха, – произнесла она. – Но если мы постараемся, то узнаем. Человек он заметный.

– Шутка ли! Директор магазина.

– Вот и побываем у него в магазине. Узнаем там, что и как. Поговорим со знакомыми, с которыми Семен Семенович чаще всего общался. Что-нибудь от них да и узнаем.

– А если его в самом деле убили, как вбил себе в голову Горшков, то мы запросто можем узнать, кто твоего Семена убил! – подхватила Кира. – Кто и за что!

– Так уж и запросто!

– Да. У нас все получится. Потому что... Потому что ты, Лилька, этого не делала! И значит, правда на нашей стороне, а не на стороне Горшкова.

Лилька хотела что-то возразить. Но быстро передумала и молча кивнула.

– Похоже, у меня просто нет другого выхода.

Кира с Лесей переглянулись. И Кира воскликнула:

– Спасение утопающих – дело рук самих утопающих!

А Леся прибавила:

– И с чего начнем?

Начать решили с самого простого – с посещения ювелирного магазина, которым заведовал пропавший Семен Семенович.

– Может быть, у них там недостача какая. Или другое происшествие, – размышляла Кира. – Тогда исчезновение директора очень даже легко объяснимо.

Но оказалось, что в ювелирном магазине «Золотая цепь» нет ни малейшего намека на неприятности. Сплошная тишь и благодать. Вдоль до блеска начищенных прилавков стояли вымуштрованные продавщицы в безукоризненных белых блузках с завязанными пышными темно-зелеными бантами у горла. И в юбках такого же цвета.

Вообще, все в этом магазине было очень стильно и гармонично. Одежда продавщиц сочеталась с зеленым бархатом портьер на окнах и зеленым же бархатом прилавков.

– Вы хотели что-нибудь особенное? – обратилась одна из продавщиц к Кире, которая первой подошла к витринам.

– М-да, – пробормотала Кира. – Особенное. Подарок.

– Для мужчины, для женщины?

– Для мужчины.

– Для отца, мужа, любовника?

Последнее слово было произнесено нежно и многозначительно. Видимо, любовники тут ценились.

– М-м-м... Для мужа.

Никакого мужа у Кире пока что не было. Но с другой стороны, что могло помешать ему в скором времени появиться? А у Кире уже и подарок для него будет готов. Как говорится, готовь сани летом. И Кира решительно кивнула:

– Да, для мужа.

Продавщица слегка поскущела и направилась куда-то в сторону.

– Для любимого мужа, – утешила ее Кира вдогонку.

Продавщица снова повеселела и направилась уже в другую сторону.

– Какое золото предпочитаете? Белое, красное или зеленое?

– Простое желтое золото.

– Очень хорошо. Вот тут, пожалуйста! – прощбетала продавщица. – Перстни, кольца, зажимы для галстуков, запонки. А цепи и браслеты у нас в другой секции.

Кира сделала вид, что разглядывает изделия. В принципе, выбор был неплох. И цены в пределах разумного. Однако все эти изделия были, как бы сказать, невысокого качества. Обычная машинная штамповка. Может быть, с бриллиантами вещи будут поинтересней?

Они оказались интересней. Но и цены тут кусались, уже не две или три тысячи за колючко. А двадцать или тридцать. Однако Кира мужественно изучила весь ассортимент това-

ров. Больше всего ей приглянулся перстень, где вместо камня был вставлен настоящий природный самородок. Оправа была сделана из белого золота. И ярко-желтый самородок неправильной формы контрастировал с ней.

– Очень красиво, – одобрила Кира.

– Берите, не пожалее, – оживилась продавщица. – Уникальная вещь. Ведь второго такого кусочка самородного золота вы уже никогда и нигде не найдете.

Продавщица была права. Вот только цена на самородки была слишком высока.

– А как же вы хотели? Фирме-производителю чудом удалось получить лицензию на изготовление и продажу таких изделий. Она – единственная в городе. Выпускает изделия очень ограниченным тиражом. И вообще, все это может быть в любую минуту закрыто.

– Почему?

– Обычно государство не одобряет никакой самодеятельности в золотопромышленной отрасли. В том числе и самородков на производстве. Ведь в промышленном производстве их состав и качество практически невозможно контролировать. У каждого самородка свой состав, который отличается от состава своего «собрата». Для каждого своей пробы не подберешь. Да и слишком дорого проверять каждый.

– Значит, в этих самородках может быть девяносто девять процентов золота, а может быть и меньше десяти?

– Ну, золотом такого низкого качества мы не торгуем. Но разброс от пятидесяти до семидесяти процентов вполне возможен.

Так, перстень с самородками пока что отложим. Кира любила четко представлять себе, что покупает. А тут полная неразбериха. И все же до чего привлекательно выглядят эти самородные кусочки золота! Правильно сказала продавщица, в каждом из них своя история. И во всех есть что-то дикое, первобытное и потому безумно сексуальное и притягательное. Такое золото носили в те времена, когда толком еще не умели его обрабатывать. И люди тогда не стеснялись своих природных инстинктов. Хотели любить, хватали первую же приглянувшуюся им самку, отбивали ее у других самцов. И ожерелье из кусочков необработанного золота позвякивало на могучей груди в такт мощным движениям торса победившего самца.

– Вам нравится?

– Очень, – выдохнула Кира.

Возможно, она все-таки купила бы приглянувшиеся ей самородки. Пусть и не перстень для будущего мужа, а серьги для самой себя, или колечко, или вон ту подвеску. Возможно. Но внезапно Кира ощутила, как ее кто-то трогает за руку.

– Не увлекайся, – многозначительно пробормотала Леся. – Помни, зачем мы сюда пришли!

– Да, – спохватилась Кира.

И, посмотрев на продавщицу, спросила:

– Скажите, а Семен Семенович на месте?

Продавщица слегка смутилась.

– Директор слегка приболел, – пробормотала она. – Сейчас его нет. Если он вам нужен, зайдите на днях.

– Приболел? Это он сам вам так сказал?

Глаза у продавщицы забегали. Врать ей не хотелось, но и правды она сказать тоже не могла. Ясно. Ей было велено молчать о том, что директор пропал. Но жажда посплетничать у каждого человека буквально в крови. До поры до времени она спит, словно вирус. Но стоит дать толчок, как эта жажда вырывается из-под контроля. И все! Пиши пропало.

– А зачем вам нужен наш Семен Семенович? – осторожно спросила продавщица, глядя на Киру с таким любопытством, что той сразу же стало ясно, вирус вот-вот может активизироваться.

– Понимаете, он обещал вон той девушке, что женится на ней. Уже и день свадьбы назначили. И вдруг взял и исчез.

Глаза продавщицы изумленно округлились.

– Вообще-то, – наклонившись к Кире, жарко зашептала она, – наш Семен Семенович давно и прочно женат.

– Ну да?! И вы знаете его жену?

– Несколько раз она появлялась у нас.

– Красивая?!

Это не удержалась от вопроса Лилька. Глаза девушки светились неугасимой ревностью. Кира только досадливо цыкнула на подружку. Нашла кого ревновать! Да этот Сеня небось при всяком удобном случае бросался на каждую юбку.

– Не знаю, я ее лично никогда не видела, – уклончиво ответила продавщица и оценивающе посмотрела на Лильку. – А вы в самом деле собирались за Семена Семеновича замуж?

– Собиралась.

– Хм...

– Собиралась, да не собралась. А теперь он и вовсе пропал.

Глаза продавщицы снова блеснули.

– Вы уже знаете? Да? Вы уже знаете, что он пропал?

– Знаем.

Продавщица сделала знак, чтобы девушки подошли к ней поближе. И, делая вид, будто бы что-то показывает им, начала рассказывать:

– Нам просто не разрешают говорить, что директор пропал. Ну, чтобы паники не было. И вообще, может быть, он вот-вот появится.

– Вы так думаете?

– Всего-то один день прошел. Ну что могло случиться? Взрослый самостоятельный человек. С чего вдруг такая суета вокруг его исчезновения? Милиция к нам в магазин приезжала. С Гулей нашей уединились у нее в кабинете и спрашивали, что да где. Куда, мол, директор делся? А она откуда знает? Семен Семенович перед ней не отчитывался.

– А кто это Гуля?

– Гуля? Это наш старший менеджер. В отсутствие директора она у нас за главную. Вообще-то ее не Гуля зовут, а Гульнара Ахматовна...

– И что ваша Гуля сказала милиции?

– Ну что она могла им сказать? Наверное, загулял где-то наш директор. Еще слишком мало времени, чтобы делать какие-то выводы. И вообще, на мой взгляд, трепыхаться нечего.

Лилька считала иначе. Но ведь это она провела почти сутки за решеткой, а не продавщица. А та продолжала болтать:

– Потом милиция в зал вышла. С продавщицами начали разговаривать.

– О чем?

– Да все о том же. Не замечал ли кто за директором странностей в последнее время? Не опасался ли он кого? Не было ли у директора проблем, о которых бы он проговорился кому-то из персонала. Ну, знаете, как это бывает. Кто-то из девочек мог услышать что-то такое случайно. А потом припомнить.

– И что? Припомнили?

– Не-а. Все друженько так ответили, что у Семена Семеновича был полный порядок по всем направлениям. И в семье все складно. И на работе. И вообще. Так что ментам у нас ничего не обломилось. Уехали не солоно хлебавши.

– А что было потом?

– Когда милиция уехала, Гуля вышла в зал, собрала нас всех и велела держать язык за зубами. Мол, толком еще ничего не известно. А паника поднимется, нам же отвечать придется.

– Перед кем отвечать?

– Да перед Семеном Семеновичем. Вдруг загулял мужчина. Бывает же такое!

Бывать-то бывает, но вот только настораживали кровавые пятна у него в квартире и в машине.

– А какие у него в семье отношения были?

Этот вопрос снова задала Лилька, никак не желающая уgomониться.

– Любил он свою жену?

– Любил, наверное. Да и чего ее не любить? Она у него покладистая.

– Покладистая?

– А вы как думали? Семен Семенович у нас известный ходок! А жена дома сидела в обществе свекрови, трех детей растила. Не очень-то веселая жизнь.

– Директор всегда до самого закрытия в магазине находился?

– Конечно! Лично все опечатывал, закрывал и сдавал ночному сторожу магазин. А после этого сразу же на свидание отправлялся с очередной пассией. Бывало, они его уже и в магазине дожидались. Домой раньше одиннадцати вечера не появлялся.

– А открывал магазин тоже он?

– Да.

– И в тот последний день?

– Конечно.

– А когда Семен Семенович пропал, кто же магазин открыл?

– Гуле пришлось. У нее запасной комплект ключей имеется на всякий пожарный случай.

Одним словом, тайна исчезновения Семена Семеновича так и оставалась окутанной туманом.

– Ой! – внезапно вздрогнула продавщица. – Гуля вышла!

Подруги подняли головы и увидели, что в зале появилась высокая темноволосая женщина лет сорока – сорока пяти. Ее стройная фигура была затянута в пиджак того же темно-зеленого цвета, что и у продавщиц. Это была форма, но начальственный вариант.

– Красивая, – заметила Кира. – А у нее с директором тоже что-то было?

– Не-ет, – протянула продавщица. – Не думаю.

– Почему? Он – бабник. Она – красавица.

– Именно потому, что он бабник. Гуля и ее семья откуда-то с Кавказа к нам приехали. Мусульмане они. И нравы у них в семье очень строгие. Гуля ни за что не стала бы встречаться с мужчиной просто так, развлечения ради.

– А как бы стала?

– Если бы замуж ее позвал. Пусть и второй, и третьей женой. Но замуж. Так сказать, официально. Через мечеть или как у них там такие дела делаются.

Кира внимательнее присмотрелась к Гуле. Выглядела женщина очень эффектно. Многие южные женщины стареют раньше времени. Но это скорей из-за отсутствия желания или времени позаботиться о себе. Или в связи с невозможностью это сделать. А Гуля зарабатывала прилично. И могла тратить на себя ровно столько денег, сколько ей было нужно для поддержания красоты и молодости.

– А она замужем?

– Нет.

– Странно. Такая красивая видная женщина, и не замужем. Почему?

Продавщица снова склонилась к прилавку и жарко зашептала:

– Говорят, что был у нашей Гули в молодости жених. Любила она его, страшное дело.

А он...

Девушка не договорила и замолчала. А подруги наперебой начали строить догадки:

– Умер?

– Изменил?

– Женился на другой?

– Нет же! – поморщилась продавщица с досадой. – Дайте вы договорить! Не умер он и не изменил ей.

– А что же?

– Он... Тут другое. Он в тюрьму попал!

– Ой!

– Да! – азартно блеснув глазами, кивнула продавщица. – Да еще по какой-то серьезной статье! На двадцать лет угодил. Родители Гуле сразу сказали, забудь про него. И других женихов ей приводить принялись.

– И что?

– Так до сих пор и водят, – хмыкнула продавщица. – Гуля у нас разборчивая. У одного ноги кривые, говорит, у другого рост маленький. Третий зарабатывает мало. Четвертый слишком воображает о себе много. Пятый... Одним словом, недостатки у каждого человека имеются. А Гуля идеал хочет.

В это время Кира краем глаза увидела, что к ним приближается сама Гуля. Так и есть! Сюда идет!

– Татьяна!

– Да, Гульнара Ахматовна?! – встрепенулась продавщица.

– Ты чем-то занята?

– У меня покупатели. Я их обслуживаю.

Гульнара Ахматовна кивнула, показывая, что одобряет. Но далеко отходить не стала. В таких условиях продолжать занимательный разговор было решительно невозможно. И подружки быстро смотались, сопровождаемые проницательным и недоверчивым взглядом начальницы.

Глава 4

Оказавшись на улице, Лилька вздохнула:

– Мне кажется, я ее знаю.

– Кого?

– Гульнару эту.

– Откуда?

– Ну, во всяком случае, мне ее лицо отчего-то знакомо.

– Ты же приходила в магазин к Семену Семеновичу. Наверное, тут ее и видела.

– Нет, – помотала головой Лилька. – Я в магазин не заходила. Хотя он и приглашал.

– А почему не заходила?

Лилька замялась.

– Ну, понимаете... Это же ювелирный магазин, не овощной, не мебельный.

– И что?

– Что! Что! А то! Будто бы вы не знаете, что девушкам полагается делать подарки.

– Знаем.

– Ну вот. А что обычно дарят? Правильно, золото или брильянты. А мне Юра, то есть этот Семен Семенович, еще ни разу ничего не подарил.

– Ну и...

– Ну и могло неловко получиться. Вроде бы я приперлась в его магазин в надежде на подарок. А я не хотела, чтобы он неловко себя почувствовал. Ясно! И Гулю эту тут видеть тоже не могла.

– Но где-то же ты ее видела?

– Вот я и думаю, где...

Девушки молчали. Лилька все еще пыталась вспомнить, откуда ей знакомо лицо Гульнары.

А Леся и вовсе витала мыслями далеко-далеко. На прошлых выходных Лесю познакомили с интересным молодым человеком, который прямо рвался составить счастье одинокой и симпатичной девушки. Лесе он тоже приглянулся. Их роман длился целых два дня, за которые Костик позвонил Лесе не меньше ста пятнадцати раз. И вдруг вчера шквал телефонных звонков резко прервался. Леся откровенно недоумевала, что могло случиться с ее кавалером. Но звонить сама пока что избегала. Ждала.

– Девчонки! – рассердилась Кира, так и не дождавшись ни от одной из своих подруг ответа. – Вы что, заснули? Очнитесь!

– А?! Что?

– Я вас спрашиваю, куда мы теперь поедем?

– Как это куда? – удивилась Лилька. – Домой.

– Рано еще.

– Ничего не рано. Все бабульки и бездельники небось во дворе груши околачивают.

– Какие бабульки? – не поняла Кира.

– Разные. Те, кто может нам рассказать о Семене Семеновиче. И кто же, черт подери, приезжал прошлой ночью на его машине. Ведь не сама же она материализовалась у него под окнами.

– Так ты хочешь ехать домой к Семену Семеновичу?

– Ну. А вы подумали куда? К себе домой?

– Да.

– Мой дом, если мы не найдем преступника или самого Семена Семеновича, тюрьма! И я туда не тороплюсь!

Во дворе дома Семена Семеновича было необычайно шумно и многолюдно. Кира с Лесей успели побывать в этом сонном дворике не раз, подкарауливая появление Юры. Так что девушки могли точно сказать, что в этом дворе за раз никогда не скапливалось больше десяти человек.

– Что у них случилось? – изумилась Кира, увидев толпу из двух, если не трех десятков возбужденных людей.

– Что это? Митинг протеста по случаю исчезновения Семена Семеновича?

Но толпа концентрировалась у другого подъезда. И у этого же подъезда стоял милицкий «каблук».

– Снова милиция! – изумилась Кира. – Что им тут надо?

Ответ они получили сами собой. Даже расспрашивать ни у кого не пришлось. Из подъезда вынесли носилки с завернутым в черный полиэтилен телом.

– Труп! – ахнула Леся. – И милиция! Кого-то убили!

– А вдруг это Семена Семеновича нашли? – побледнела Лилька. – Ой!

И Лилька, энергично работая локтями, поспешила к центру события. Высмотрев в толпе одну из соседок Семена Семеновича, Лилька пробралась к ней и рявкнула у той над ухом:

– Что тут произошло?!

Старушка вздрогнула, узнала Лильку, побледнела и попыталась удрать. Не тут-то было.

– Меня из-за вашего доноса почти сутки в милиции промариновали! – уцепилась за нее Лилька. – Чудом отпустили! Так что я имею право знать, что в вашем паршивом доме еще случилось? Нашли труп Семена Семеновича?

– Свят, свят! – перекрестилась старушка и тут же добавила: – Типун тебе на язык, голу-бушка.

– А кого же сейчас на носилках выносят? Не Семена Семеновича?

– Нет.

У Лильки немного отлегло на сердце. Но все же она хотела знать подробности.

– А если не Семена Семеновича, то кого?

– Мальчика одного.

– Мальчика?.. Больно велик мальчик-то, – рискнула она заметить.

– В институте учился, – всхлипнула старушка. – Хороший мальчик. Игорек. Родителей радовал. Родители-то у него строгие. Все следили за ним, следили. Да не уследили. Прямо в квартире убили, болезного.

– Кто убил?

– Кто... Грабители, наверное. В квартире все перевернуто вверх дном. Наверное, деньги искали или другие ценности.

– Нашли?

– Нашли или нет, того не знаю. А вот Игорька убили.

– Прямо в квартире? Он там что, один был? А родители?

– Да в том-то и дело, что не у себя дома ночевал.

– А где? У девушки?

Старушка в ответ только фыркнула.

– Скажешь тоже, у девушки! Говорю же, родители у Игорька строгие. Никуда его не отпускали. Не у девушки он был. А у Ивана Сергеевича.

– А это кто?

– Инвалид один. Родственник Констанции.

– А Констанция – это кто?

– Да хозяйка квартиры, в которой Игорька и убили.

– А она?.. Ее тоже убили?

– Нет же! Одного Игорька и убили.
– А где были эти... Констанция и Иван Сергеевич?
– Констанция к сыну уехала. Непутевый у нее Павлик уродился.
– Хорошо! А Иван Сергеевич?
– А Ивана Сергеевича наша Констанция на Игорька оставила.
– Он ей тоже родственник?
– Кто?
– Игорь этот.
– Нет. Студент он. Медик. А Ивану Сергеевичу медицинский уход был нужен, потому как инвалид он. Ходить не может. В коляске и передвигается.
– И он был в ограбленной квартире?
– Жил там.
– И его не убили?
– Ты второе тело видишь, чтобы выносили? – неожиданно обозлилась на Лильку старушка. – Нет? Ну и нечего приставать тогда с дурацкими вопросами. Я не больше твоего знаю! Что знала, уже рассказала. А теперь кыш отсюда!

Лилька отодвинулась от старушки. Та выглядела очень уж разъяренной и все шептала что-то про современную молодежь, которая совсем стыд потеряла, к женатым мужикам шастает, а потом еще и к приличным людям с дурацкими вопросами пристают.

– Иван Сергеевич этот точно инвалид был, – услышала Лилька шепот рядом с собой. – Вечно в окне торчал и во двор пялился. Чисто филин или сова какая-то!

Лилька оглянулась и увидела того самого вихрастого парня, который норовил пристроить свою машину либо на газон с маргаритками, либо вовсе на клумбу с цветами.

– А меня Виктором зовут, – представился ей парень. – А я вас уже где-то видел.

Лилька фыркнула. Избитый трюк для знакомства. Впрочем, мог ее этот Витька и видеть. Мог. Когда она тут по двору металась словно безумная.

– Ну видел, – грубовато произнесла она. – И что дальше?

– Вы про этого Ивана Сергеевича сейчас интересовались, – вкрадчиво произнес парень, не обращая внимания на Лилькино хамство.

– Да. Интересовалась.

– Могу подсказать, где искать старичка. Не бесплатно, разумеется.

– Что?! – изумилась Лилька.

– Думаю, за тысячу русских рубликов я вам его адрес сообщу, – не обращая внимания на ее изумление, произнес парень.

– За тысячу рублей? Дороговато, знаете ли, для простой справки!

– Для вас сейчас время дороже. Вы же хотите узнать, что видел Иван Сергеевич из своего окошка, верно?

– А с чего вы решили, что мне нужен этот Иван Сергеевич?

– Если нет, так чего вы у меня время даром отнимаете?

И парень сделал вид, что страшно оскорбился и собирается уходить. В голове Лильки тем временем мысли щелкали словно клавиши компьютера. Так что же это получается? Этот убитый паренек Игорь жил в том же доме, что и пропавший Семен Семенович. И ночевал в квартире исчезнувшего и вечно торчащего у окна Ивана Сергеевича! А вдруг смерть Игорька как-то связана с исчезновением Семена Семеновича? Все-таки два таких страшных преступления в одном доме. И потом, куда мог деться старик-инвалид с коляской?

– Давай! – решила Лилька. – Давай адрес!

Услышав оклик девушки, Витька тут же остановился.

– Так бы сразу! – проворчал он. – Записывай.

И, увидев, что Лилька вытащила свой смартфон, тут же жадно оскалился и предупредил ее:

– Да ты богатенькая! С богатенькими надо ухо остро держать. Так что учти, деньги я хочу получить вперед.

Эх! Надо было вытащить клочок обычной бумаги и ручку! Но что сделано, то сделано. Лилька сунула вымогателю тысячу рублей. И он продиктовал ей улицу, номер дома и квартиры.

– А ты откуда знаешь адрес этого Ивана Сергеевича? – запоздало удивилась Лилька.

– А кто, по-твоему, ездил за этим стариканом и к Констанции его перевозил?

– Ты?

– Ну да. Сынок у старикана машину в ремонт поставил. Перед отъездом она у него как раз сломалась. У самой Констанции машины нет. Вот она меня и попросила. По-соседски.

– И сколько же ты содрал с нее «по-соседски»? – ядовито поинтересовалась у него Лилька.

– Любая услуга требует определенного вознаграждения.

– Угу, понятненько.

Лилька смотрела на полученный адрес и думала: а будет ли с него толк? Ведь если старикан пропал точно так же, как и Семен Семенович, то найти его будет очень и очень непросто.

– Чего голову ломать? Пошли спросим, – сказала Кира, когда Лилька пересказала ей разговор с Витькой.

– А что скажем?

– Скажем, что этот Иван Сергеевич наш родственник. Приехали его навестить, а тут такое... И что теперь мы беспокоимся за судьбу исчезнувшего инвалида.

Подруги так и сделали. Найти ограбленную квартиру оказалось проще простого. Возле нее стояло несколько человек в форме. Горшков тоже был тут. Выглядел он совершенно счастливым. Еще бы! Наконец-то на территории их отделения все же произошло громкое преступление. Парнишку-сиделку задушили капроновым шнуром.

Итак, Горшков был в эйфории. Убийство, да еще и ограбление! Это же надо, как удачно все сложилось. Теперь Горшкова уже не интересовала ни Лилька, ни пропавший Семен Семенович. У него появилась овечка пожирнее. И он собирался состричь с нее как можно больше шерсти.

На Лильку и подруг он даже не обратил внимания. А Кира подошла к незнакомому ей оперативнику и попыталась выяснить, тут ли вещи пропавшего старика. Оказалось, что нет. Во всяком случае, инвалидной коляски в квартире точно не находилось. Насчет остальных вещей оперативник сомневался. Надо было ждать хозяйку квартиры – некую Констанцию, чтобы выяснить у нее точно, что пропало. Но вот насчет коляски твердо был уверен – ее в квартире не было.

– В связи с этим возникает закономерный вопрос, что же это, грабители утащили старика вместе с коляской?

А если вдуматься, то возникал даже не один, а сразу несколько вопросов.

– Игоря этого почему-то жестоко убили, а старика?

– Или старик исчез из квартиры еще до ограбления? Но почему? Что его так напугало? И каким образом он исчез?

Ответить на все эти вопросы мог только сам Иван Сергеевич. И подруги, не тратя больше времени на бесплодные разговоры, отправились к нему в гости.

Иван Сергеевич потому и дожил до глубокой старости, что всегда был человеком осторожным. И всегда следовал двум мудрым советам – не будить лихо, пока спит тихо. И второе: никогда не дергать смерть за усы. Одним словом, Иван Сергеевич был перестраховщиком. Но в этот раз он был уверен, что это не перестраховка!

Он ведь видел глаза того типа. Как он смотрел на Ивана Сергеевича! Прямо в душу ему заглянул. Иван Сергеевич, разумеется, сразу же откатился от окошка, сделав вид, что ничего не видел и вообще его дело сторона. Но в глубине души он понимал, что крупно влип. Этот человек не оставит его теперь в покое. Он для него свидетель. И свидетель опасный. А что делают со свидетелями? Правильно! Свидетелей устраняют.

Эта было так ясно и очевидно, что у Ивана Сергеевича даже лоб вспотел, несмотря на то что стояла глубокая ночь и в квартире было прохладно.

Фактически, старик находился тут как в ловушке. Входная дверь, он это прекрасно понимал, не выдержала бы удара ногой даже средней силы. Противная Констанция сэкономила на железной входной двери. Да и откуда ей было взять денег на дверь? Ведь все деньги в их доме сжирал Павлик – то парню требовались услуги адвоката, то Констанция платила долги сына, то еще что-то приключалось.

Кондиционер и тот был установлен по желанию и на средства родственников одного больного, которого Констанция обихаживала целых три года, вплоть до самой его кончины. Но да бог с ними, с этими неизвестными Ивану Сергеевичу родственниками неизвестного ему паралитика! Пусть живут как хотят.

– Ай как плохо, – бормотал Иван Сергеевич, подкатив свое кресло к двери и разглядывая хилый запор на фанерной дверке. – Это же он запросто сюда явится. И...

И размышлять о том, что может быть с ним дальше, Иван Сергеевич побоялся. Он снова подкатил кресло к окну и убедился, что тот человек уехал со двора. Иван Сергеевич тяжело перевел дух и даже вытер пот со лба. Итак, опасность отдалилась, но не исчезла окончательно. Ничего не помешало бы этому человеку вернуться назад и прийти сюда, чтобы разобраться с Иваном Сергеевичем.

«Надо мне отсюда убираться», – решил старикан, бодро выкатывая свою коляску на лестницу.

Тут не было ни души. Оно и понятно, в третьем-то часу ночи! Лифт, к счастью, работал. Страшно себе даже предположить, что было бы с Иваном Сергеевичем, если бы лифт оказался сломан. Но лифт работал, и старик въехал в него на своей коляске. Дальше уже было дело техники. Коляску он оставил в подъезде. А во двор дед вышел на костылях. Тут Иван Сергеевич опасливо огляделся по сторонам, не заметил ничего подозрительного. И энергично задвигал костылями. Волоча свои безжизненные ноги, он начал быстро удаляться от опасного для него места.

О том, что вернувшийся со своего ночного свидания Игорек может столкнуться нос к носу с тем человеком, если он в самом деле пожалует в гости к Ивану Сергеевичу, старик даже не подумал. А если честно, он попросту забыл.

Дом, где жил инвалид Иван Сергеевич, таинственно испарившийся из ограбленной квартиры, находился на другом конце города. Но подруги доехали туда, мужественно выстояв во всех пробках, которые встретились им в этот час. Еще постояли уже по другой причине – мотор перегрелся. Духота заставила их выйти из машины и зайти в кафе.

В кафе было прохладно. Девушки заказали себе по порции десерта с мороженым. В такую жару есть им ничего, кроме мороженого, не хотелось. Честно говоря, им и мороженого не хотелось. Слишком жирно, сладко и слишком питательно.

– Вот бы фруктового льда, – помечтала вслух Леся.

– Или просто льда.

– А лучше всего лед, фруктовый сок и кусочки свежих фруктов. И все в одной прозрачной вазочке.

Девушки согласились, что в жару это и в самом деле лучше всего. Однако ни льда, ни сока в кафе не предлагалось. Пришлось запихивать в себя мороженое. Охладившись, девушки

отправились проведать машину Лили. Температура двигателя опустилась до приемлемой температуры в девяносто градусов. Пробка тоже рассосалась.

– Так что, если не влипнем в еще одну пробку, есть шанс доехать и не спалить двигатель.

– Вот мы и приехали! – внезапно заявила Лилька и остановила машину.

– А вот и дом того любопытного инвалида, который нам нужен.

Да, дом-то был на месте. Не было только самого инвалида Ивана Сергеевича. За дверью его квартиры царила пугающая тишина.

– Куда же он делся? – растерянно пробормотала Лилька.

Никто из подруг ответить ей не мог. В принципе инвалид мог деться куда угодно. Покинув дом сиделки, он мог просто не добраться до своего собственного дома.

– Кошмар! – завопила в состоянии, близком к истерике, Лилька. – Деда похитили! Так же, как Юру... то есть, тьфу, этого мерзкого Сеню!

– Погоди делать выводы. Сначала поговорим с людьми.

– С какими людьми?

– С соседями.

Разговор с соседями дал следующий результат. Ивана Сергеевича и его инвалидную коляску никто не видел вот уже много дней.

– Сын его на юга с молодой женой укатил. А старика они вроде бы к сиделке пристроили. Так им спокойнее.

Вот все, что твердили соседи в ответ на вопрос подруг, куда делся жилец из восьмидесятой второй квартиры.

– А сиделка им вроде бы родственница. Вот и согласилась взять к себе старика, пока молодые гуляют.

Но это подруги знали и так. Выходило, что притащились они сюда, чуть не спалив Лилькин двигатель, совершенно напрасно. Девушки заметно приуныли. Но затем природный оптимизм возобладал.

– Отрицательный результат – тоже результат. Раз дед не добрался до дома, значит, его перехватили по дороге. А если перехватили, то, значит, было кому перехватывать.

– Походим еще. Поспрашиваем.

И девушки походили. Обошли весь подъезд, где жил Иван Сергеевич. Поговорили с бабками на скамеечке. Побеседовали с несколькими владельцами собак, которые могли видеть Ивана Сергеевича, возвращающегося домой. И наконец им повезло. Какой-то мальчишка признался, что видел Ивана Сергеевича, ковыляющего к дому.

– Не-а. Никакой инвалидной коляски с ним не было. Своим ходом шел. От машины до дома.

– Как же так?

– На костылях.

– А что за машина?

– Обычная тачка. «Жигулешка»! Наверное, подбросил кто-то старика до дома. Бомбист какой-нибудь задрипанный! Реальный чел на такую тачку ни за что в жизни не сядет!

В голосе пацана не слышалось ровным счетом никакого уважения к отечественному автомобилестроению. Да оно и понятно. Стыдно сказать, но те консервные банки, которые до сих пор сходят с конвейеров Тольятти, назвать машинами довольно сложно. Да, они на четырех колесах и даже ездят. Но, боже мой! Как они ездят! И как выглядят при этом! Как говорится, полчасика позора – и вы в нужном месте.

Но сейчас девушкам было не до обсуждения достоинств и недостатков отечественных «Лад» и «ВАЗов». Да и что там обсуждать? Машины эти дешевые. Это их главное и, можно сказать, единственное достоинство.

Сейчас подруг больше интересовал другой вопрос.

– А потом? Куда делся Иван Сергеевич потом? После того как доковылял до дома?

Но насчет этого пацан ничего определенного сказать не мог. На той же самой машине Ивана Сергеевича никто не увозил. Кто-то высадил пассажира и сразу же уехал. А старикан поковылял к себе домой. И был цел, невредим и даже очень бодр и весел.

А радовался он потому, что возвращался к себе домой. В квартиру хоть и на первом этаже, но с зарешеченными окнами и с толстой железной дверью. Подальше от всех этих странных типов, которые болтались по двору его родственницы Констанции. И вообще, дома, как известно, и стены помогают. Вот он и радовался.

Разумеется, ничего этого подруги не знали. Знали они только то, что Иван Сергеевич благополучно, хотя и весьма непросто добрался до своего дома. Уже и это неплохо. Значит, Иван Сергеевич, в отличие от Игоря, остался жив. Но кто же убил его сиделку – безобидного студента-медика Игоря? И куда запропастился теперь сам старик? И наконец, что побудило его покинуть квартиру Констанции?

Все эти вопросы требовали ответов. А их не было.

Глава 5

Лилька обвела глазами подруг и печально сказала:

– Вот и получается, что мы с вами остались у разбитого корыта.

В самом деле, девушки были в том самом месте, откуда начали свое расследование. Ювелир исчез. Наблюдающий за ним и всем двором инвалид тоже исчез. А его сиделка-медик Игорь и вовсе убит.

– Во всем этом прослеживается какая-то нехорошая тенденция, – задумчиво произнесла Кира. – Но будем мыслить логически.

– По крайней мере постараемся.

– Все проблемы начались с исчезновения Семена Семеновича.

– Да.

– В его квартире обнаружены пятна крови. В машине также кровь. Отсюда вывод – ювелира могли убить.

– Могли.

– Вот! И теперь мы подходим к самому главному. Старик, который мог видеть, кто это сделал, исчез. Тот парень, которому он мог об этом рассказать, убит. Значит, что?

– Что?

– Свидетелей устранили. И убийцу или, в любом случае, человека, похитившего ювелира, нам придется искать своими силами. Никто нам его на блюдечке с голубой каемочкой не принесет.

– И как? Как мы будем его искать? – заволновались подруги.

– Да очень просто. Кому могло быть выгодно исчезновение или даже смерть ювелира?

– Кому?

– В первую очередь его наследникам.

– Но у Семена Семеновича из наследников имеются жена, мать и трое детей. Их, что ли, подозревать?

– Почему бы и нет? Во всяком случае, жену точно стоит включить в список подозреваемых.

– Но она в отъезде! На море отдыхает! Ты же слышала!

– Вот именно! Слышала. На море. Между прочим, отличное алиби! Начнет следователь копать, что да как, а эта дамочка ему и заявит: мол, ничего не знает, слухом не слыхивала, видом не видывала – находилась за тридевять земель. Очень подозрительно!

– Что подозрительного-то?! Лето, жара, чего ей с тремя детьми в городе сидеть? Да и не одна она там!

– Все равно подозрительно. Как это так, только жена за порог, как мужа вдруг берут и похищают. Создается впечатление, что преступник специально выжидал, когда у жены ювелира появится стопроцентное алиби.

В устах Киры это звучало настолько убедительно, что никто не осмелился ей возразить. Да и что возражать? Всем известно, что первым на подозрении всегда оказывается супруг или супруга потерпевшего. Ведь никого не любишь, а потом не ненавидишь так сильно, как родного мужа или жену.

– Нам надо поговорить с этой дамочкой.

– И как это сделать? – вспыхнула Лилька. – Мчаться к ней на море!

– Не исключено, что ей уже сообщили об исчезновении муженька. И она на всех парах двигается сюда. Лично я бы именно так и поступила. Чтобы самой лично разобраться в том, что произошло с мужем. Или поприсутствовать на его похоронах.

– Что же? Нам возвращаться назад? К дому ювелира?

– Придется.

Лилька в ответ только тяжело вздохнула. Она-то была уверена, что расследование – это нечто увлекательное и захватывающее. А вместо этого они только мотаются по городу. Туда и сюда. Туда и обратно. А толку ноль!

Но Кира в отличие от подруги была настроена много оптимистичней.

– Жена – это хорошо, – бормотала она себе под нос. – Жена – это перспективно. Лилька, а его жена про тебя знала?

Лилька, которая в этот момент совершала сложный маневр, обгоняя автобус и одновременно следя, чтобы ей самой никто не въехал в бочину, нервно вздрогнула, руль в ее руках дернулся, и она чуть не выскочила на встречную полосу.

– Ты ненормальная?! – закричала она на Киру, когда ей удалось справиться с машиной. – Смерти нашей хочешь?!

– Я всего лишь спросила...

– Слышала я, что ты спросила! Нет, я даже не знала о том, что ювелир женат. Тысячу раз вам об этом говорила! Для меня наличие у него жены явилось полным сюрпризом.

– Для тебя – да. А для его жены?

– Она про меня тоже не знала, – отрезала Лилька и тут же добавила уже куда менее уверенным голосом: – Наверное.

– А помните, – вмешалась в разговор Леся, – помните, эта девчонка из ювелирного магазина говорила, что у Семена Семеновича было полно женщин? Не может быть, чтобы жена вот так все эти годы ничего не подозревала.

– Не знаю, – проворчала в ответ Лилька. – Думаю, она ничего ни про меня, ни про других не знала. Иначе зачем бы ей маяться с ним?

– На это могло быть тысяча причин. И самая основная – ей не хотелось терять то положение, которое она имела, будучи супругой уважаемого, да и богатого человека.

– И поэтому она пошла на убийство мужа? Чтобы не терять своего положения?

– Как вдова, она имела гарантированную долю в наследстве. А как разведенная жена – еще не факт.

– Все равно! Зачем убивать? Куда проще взять и развестись!

– Конечно, – согласилась с Лилькой и Леся. – При разводе половина совместно нажитого имущества достается второму супругу.

– Дети получили бы алименты.

– И жила бы себе эта женщина тихо, мирно и с чистой совестью.

Кира в ответ на доводы подруг только презрительно фыркнула:

– Вы обе рассуждаете, словно живете в цивилизованной Европе, а не в нашей дикой России.

– А это тут при чем?

– Да вы хоть знаете, что суд Гааги отказался брать на рассмотрение все дела, касающиеся территории бывшего СССР?

– При чем тут это?

– Гаагу еще какую-то приплела, – фыркнула Леся. – Где бузина, а где в Киеве дядька!

– При чем тут Гаага? – допытывалась тем временем Лилька у Киры.

– А при том! При том, что у нас в законодательстве до сих пор такой темный лес, что все ноги переломашь! Даже Верховный суд отказывается вмешиваться в наши разборки. И уж точно, что развод у нас в стране вовсе не гарантирует женщине безбедное существование после судебного слушания. Ювелир мог устроить так, что его бывшая жена вообще ничего бы не получила при разводе! Или получила бы, но жалкие крохи!

Леся и Лилька молчали. Верно. Кира совершенно права. Сплошь и рядом слышишь о бедных ограбленных женах и их почти голодающих детях. Но что-то очень редко можно услы-

шать историю об успешном разводе, когда женская половина супружеской ячейки получала бы при разводе именно половину, а не считанные крохи.

– Ну допустим! – пробормотала Лилька. – Допустим, что она его убила.

– Не убила, а заказала. Убивать своими руками она бы не стала. Слишком глупо и опасно.

– Ну хорошо. Заказала. И что дальше?

– А дальше она получает на руки четыре пятых всего состояния ювелира.

– Четыре пятых? Почему именно четыре пятых?

– Потому что близких родственников у ювелира было пятеро – мать, жена и трое детей. Каждый по закону получает по одной пятой имущества. Но так как дети еще несовершеннолетние, то их опекуном назначается мать. Ясно вам?

– Да.

– И только одна пятая отходит матери ювелира.

Одна пятая выглядела настолько жалко по сравнению с четырьмя пятыми, что подружки сразу же сбросили мать ювелира со счетов. Она сына не убивала и не заказывала. Все-таки убить гуляющего налево мужика, пусть и отца ваших троих детей, – это совсем не то же самое, что убить свое родное дитя. И никакие доли наследства этого факта не изменят.

К тому времени, когда подружки снова добрались до дома ювелира, они уже так основательно прониклись мыслью о виновности его жены, что были немало изумлены, когда обнаружили на пороге его квартиры еще одно юное существо, также настаивающее на том, что оно является полноправным наследником, а верней, наследницей ювелира.

Девушку лет семнадцати-восемнадцати с длинными белокурыми волосами, опускающимися ей почти до ее круглой соблазнительной попки, звали Раечкой. У нее были голубые широко распахнутые глаза, пунцовые губки и чудесные пушистые ресницы. Допустим, последнему Раечка была обязана хорошей туши для глаз, но все прочее у нее имелось в наличии, так сказать, само по себе. Так что в основном своей красотой Раечка была обязана природе и хорошим генам.

И вот эта самая Раечка оказалась родной дочерью Семена Семеновича, совершенно неучтенной ими при подсчете наследников ювелира. Но, учтенная или не учтенная, Раечка все равно оставалась дочкой пропавшего Семена Семеновича. И она так и заявила подошедшим к ней с вопросом подругам:

– Нет, папа почему-то не открывает. Наверное, его нет дома. Очень странно. Неужели, Глашка права и с папой что-то случилось?

Папа! Значит, это дочь Семена Семеновича! Но минуточку, у него ведь три сына. Ни про какую дочь ни разу не упоминалось. И кто такая Глашка, о которой говорит эта красавица? Домработница? Просто знакомая?

Подруги дождались, пока девушка откроет дверь своими ключами, и вошли вместе с ней. Раечке они наплели, что их прислали из ювелирного магазина, где все крайне обеспокоены исчезновением директора. Раечка не удивилась. Только по ее хорошенькому лобику пролегла тонкая морщинка.

– Значит, все-таки у папы что-то случилось, – пробормотала она. – Раз его и на работе нету. Ну, что же... Заходите. Посидим, обсудим. Глядишь, что-нибудь вместе и решим. Да и Глашка скоро придет.

Разумеется, подружки с радостью воспользовались ее приглашением. И Кира первой спросила:

– А Глашка, про которую ты говорила, это кто?

– Ну да, кто, – фыркнула девица. – Глашка – Глафира, стало быть. Вторая папина жена. Первая – это моя мама. Она тоже со странностями, но с ней хотя бы можно найти общий язык. А Глашка... Вообще не понимаю, зачем папе было на ней жениться. Наплодила ему трех таких же дебилоидов, как она сама. И довольна. Корова жирная!

- И она тебе звонила?
- Звонила и несла всякую чушь. Дура ненормальная!
- Какую чушь?

– У Глафиры вечно какие-то фантазии, – вместо ответа пожаловалась Раечка. – Но эта ее последняя выходка... Честное слово, если она это все просто взяла и придумала, то я серьезно стану думать, что у папочкиной жены не все в порядке с крышей. И серьезно скажу папе, чтобы он отправил ее подлечиться. Потому что придумать такое может только больной человек.

Девушка была возмущена до глубины души. И Кира спросила:

- Да что она тебе такого сказала?
- Сказала! Сказала, что папу похитили, а может быть, даже убили.
- Так ты примчалась сюда после звонка своей мачехи? – осенило Лильку.
- Ну, ясное дело. Примчалась.
- Она тебя попросила, чтобы ты приехала?
- Я и сама хочу знать, куда подевался мой папа!

И очаровательное создание гневно топнуло ножкой.

– А откуда твоя мачеха узнала, что твой отец пропал?

– Понятия не имею. К тому же пока я не приехала сюда, то была уверена, что все это просто очередная Глашкина нелепица!

– Ты так просто к ней и обращаешься – Глашка?

– Ну да, – пожалала плечами Раечка. – А что? Да вы бы ее сами видели! Дура деревенская. Пять классов образования, больше не потянула. До сих пор считает по пальцам. И читает по слогам. А уж с грамматикой у нее вообще катастрофа! Отец и тот не выдержал, специального учителя ей нанял, чтобы он эту дуру неотесанную хоть немного говорить научил и не так стыдно перед людьми было.

– Но она ведь старше тебя.

– Всего на десять лет. Не такая уж большая разница, чтобы я начала ее уважать. А по уму она мне вообще в младшие сестренки годится.

– Ты так говоришь, будто бы ненавидишь свою мачеху.

– Не ненавижу я ее. Она меня просто раздражает. Потому что, во-первых, дура. А во-вторых...

Раечка не договорила. Вместо этого она вытащила из хорошенькой крохотной сумочки из крокодиловой кожи пачку ментоловых дамских сигарет, шелкнула украшенной розовыми стразами зажигалкой и жадно затянулась дымом из длинной белой трубочки. Говорить про мачеху она больше не стала. Но подругам и так все было ясно.

Не появилась еще на свете такая теща, которая была бы довольна своим зятем. И не появилась еще такая падчерица, которая была бы довольна своей мачехой.

– Так зачем же твой отец женился на Глафире?

– Красивая она, – неохотно ответила Раечка.

– И все?

– И покладистая. Моя-то мама со своими выкрутасами. То ей не это, это ей не то. А Глашка... Она и постирать, и приготовить, и детям жопы вытереть. Это ей все не в облом. Еще бы, после того деревенского коровника, где папа ее отыскал, ей жизнь в большом городе должна сказкой казаться.

– Так ли уж?

– Да она за первый год на двенадцать килограммов поправилась! За второй еще. Так и пошло-поехало! Была тростиночкой, а теперь словно корова жирная.

– Это ты сама помнишь?

– Я... Я – нет. Маленькая еще была, когда Глашка тут появилась. Мне мама говорила.

Рассказывая все это, Раечка довольно активно двигалась по кухне, доставая чайные заварочные пакетики с жасмином, сахар, варенье из кизила и какие-то печенюшки. Понюхав чай, девушка сморщилась:

– Тьфу! Снова Глашка в ближайшем подвале чай покупала. Сколько раз ей папа твердил, что настоящий хороший чай не может быть с примесями, все равно покупает эту дрянь в пакетиках. Да еще и с разными ароматами норовит взять.

Коробка с листовым чаем нашлась отдельно.

– Папа ее всегда тут держит.

И девушка всыпала приличную порцию в китайский заварочный чайник. Глядя, как она ловко обращается с посудой и продуктами, снуя от стенного шкафа к столу, оттуда к холодильнику, а потом назад, подруги задумались:

– Так твои братья и бабушка поехали на юг?

– Ну да.

– Отдыхать?

– Точно.

– А ты с ними почему не поехала? Не взяли?

Раечка даже остановилась от изумления. А потом негодуя фыркнула:

– Вот еще! Кто они такие, чтобы брать меня или не брать. Я сама с ними ехать не захотела! Скукотища жуткая! Бабка вечно ворчит. А братья... Говорю же вам, дебилы они. Умственно отсталые.

– Что? Все трое?

– Ну да! Вы бы знали, сколько денег папе стоит, чтобы их в нормальной школе держали. Я уж не говорю об отметках. Не гонят к дебилам, и то ладно. С двойки на тройку еле-еле переползают. Гены Глашкиных родителей-алкашей, видно, сказываются.

Час от часу все странней и странней.

– Так твоя мачеха из семьи алкоголиков?

– Ну да! А я вам о чем толкую? Жуткие алкоголики! Глашка до шестнадцати лет впроголодь жила. Летом еще ничего, травку с огорода пощиплет или в лесу грибов себе наберет. А уж зимой просто беда! Все, что Глашка у себя в коровнике зарабатывала, родители у нее отбирали и пропивали. Только и кормили, чтобы ноги могла до работы доволочь. Так ей и говорили: «Чего тебя, дура, кормить, коли ты в коровнике работаешь. На работе молочка на халяву и напьешься. А нас объ-едать нечего».

Итак, картина вырисовывалась яснее ясного.

– Папа на редкостную красоту польстился. А Глашка... Глашке после ее коровника любой мужик сказочным принцем казался. Пусть и на пятнадцать лет старше.

В этот момент в дверь раздался звонок.

– Кто бы это мог быть? – встрепелась Раечка. – Может быть, папа?

Она мигом вскинулась и легко побежала в прихожую открывать дверь.

– А-а-а... – услышали подруги ее разочарованный голос и сразу же поняли, что явился точно не ювелир. – Легка ты на помине.

– Где Сеня? – раздался мелодичный женский голос. – Раечка, ты узнала, что с папой?

– Откуда? – недовольно проворчала в ответ девушка. – Только что приехала. Тут девочки сидят с папиной работы. Иди к ним. Может быть, вместе с ними что-то скумекаем.

Затем раздалась шага. И в кухню вошла красавица. Раечка тоже была очень хорошенькой девушкой. Но рядом с мачехой, которая была старше ее на целых десять лет, Раечка казалась просто суетливым воробышком рядом с царственной жар-птицей.

Черты лица очень правильные и в то же время нежные. Роскошные золотые волосы, огромные лучистые глаза, изумительная бархатистая кожа. И толстой Глафира вовсе не была. Напрасно Раечка наговаривала на мачеху. Просто Глафира была чуть полновата. Но после

рождения троих детей это было вполне естественно. К тому же легкая полнота ничуть ее не портила. А только прибавляла шарма и величия.

– Вы с Сениной работы? – спросила Глафира у подруг. – Ой, что же, он и там не появился?

С первых же ее слов сразу стало ясно, что Раечка в оценке умственных способностей своей мачехи все же недалеко от истины. Глафира была очень простодушна.

– Ой, беда, беда! – зарыдала она, узнав, что муж ее действительно пропал. – А я ведь надеялась, что обманули меня!

– А кто вам звонил?

– А? Что? Кто звонил? А следователь мне и звонил.

– Горшков?

– Кажется. Я фамилий не запоминаю. У меня память очень плохая.

Раечка выразительно закатила глаза. Мол, видите, я же вам говорила. А Глафира, подперев щеку рукой, неожиданно пустилась в воспоминания о том дне, когда она впервые увидела перед собой своего будущего мужа, стоящего в крутящей зимней поземке.

Знакомство директора ювелирного магазина со своей второй женой произошло в самой романтической обстановке. Ночь, зима, заблудившаяся компания охотников. Уединенная деревушка, где горело окно только в одном крайнем доме. Именно там проживала Глафира со своими родителями-алкоголиками, которые и не ложились спать допоздна, с удовольствием пропивая очередную дочкину зарплату. По этому поводу отреагировать на стук в дверь они не могли. И открывать поздним гостям пришлось Глафире.

Она не боялась. У них в деревне чужие бывали редко. Летом. Да и то надолго не задерживались. Приедут, поживут, по лесам, по борам побродят. И назад в мегаполис, к своей удивительной городской жизни. Зимой же в их деревне чужие не появлялись вообще никогда. Поэтому Глафира сначала решила, что пожаловал кто-то из соседей, чтобы попытаться примазаться к застолью.

В деревеньке Ольшанке пили все от мала до велика. Начиная с двенадцатилетних мальчишек и кончая древними стариками. Впрочем, до старости доживали тут редко. Мужчина в сорок – сорок пять лет считался уже долгожителем. А тех, кому довелось перешагнуть рубеж шестидесяти лет, можно было сосчитать по пальцам.

Дети в Ольшанке чаще всего рождались больными, с какими-нибудь отклонениями. А причина была одна – дешевая паленая водка, которую население глушило в немереных количествах. За неимением таковой в дело шел одеколон, полировочная и любая другая жидкость, лишь бы она содержала спирт в нужном для затуманивания мозгов количестве.

Одним словом, открывая дверь, Глаша не ждала от судьбы ничего хорошего. И вдруг, отворив тяжелую дверь, она замерла. Перед ней стоял ОН! Высокий, шикарный, от него пахло не полиролью для мебели, а какой-то другой, нездешней жизнью. И он пришел за Глафирой! Она поняла это в ту же минуту, когда увидела своего будущего мужа. Он не понял, а она вот поняла.

И поэтому, когда мужчина только выяснил дорогу и ушел, она ничуть не огорчилась. Глаша твердо знала, он еще вернется. И вернется именно за ней.

Семен Семенович в самом деле вернулся. Машина заглохла, едва он выехал из деревни. Все попытки реанимировать двигатель своими силами или силами приятелей оказались бесполезными. И горе-охотникам пришлось вернуться назад в Ольшанку и зайти в тот самый дом, где всего час назад статная красавица указала им нужную дорогу.

Родители Глафиры к этому времени уже уgomонились и спали тяжелым пьяным сном на печке. Глафира привычно прибиралась в комнате. И открыла дверь своему будущему мужу. В ту же ночь все и случилось. Семен Семенович отогрелся, разглядел неземную красоту этой деревенской девчонки и... влюбился без памяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.